По дороге на
Охоту
Мария Лунёва

Мария Лунёва
По дороге на Оюту

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67567716

Аннотация

«…Мой идеальный и спокойный мир рухнул в одночасье. Нет, не тогда, когда мальчишки на магнокатах, рассекая воздух, мчались по улицам, выкрикивая: «Война, марсианское отребье идет!». И даже не тогда, когда к нам постучалась старушка соседка и объявила, что военные части эвакуируют, а гражданское население бросают на произвол судьбы. Нет, даже не судьбы, а марсианских солдат, которые оказались в разы проворнее мужчин с Земли. Нет, мой мир рухнул несколько позже: когда в наш дом ввалились дезертиры. Не воинов противников нужно было опасаться. Вовсе не тех, кого звали отребьем человечества.

Лютыми врагами оказались свои!

Не все солдаты пожелали уходить. Что их ждало после очередного тактического отступления? Очередной бой и еще одно поражение? Смерть или ранение? Многие, понимая, что победы землянам не видать, просто сбегали с воинских частей на вольные хлеба. Уходили, прихватив оружие. Наверное, они надеялись только на то, что, обобрав местных, им удастся наскрести на билет в иную звездную систему. Все рвались туда, где не было войны, и были бы рады любому представителю многочисленных рас,

лишь бы у него было желание обрабатывать землю и развивать безжизненные планеты, коих в нашей вселенной было великое множество…»

Содержание

Пролог 5
Глава 1 9
Глава 2 22
Глава 3 36
Глава 4 49
Глава 5 62
Глава 6 73
Глава 7 86
Глава 8 100
Глава 9 113
Конец ознакомительного фрагмента. 126

Мария Лунева
По дороге на Оюту

Пролог

Слушая диагноз, молодая привлекательная женщина неотрывно смотрела на губы рыжего доктора явного уроженца Венеры. То, что он говорил, никак не вязалось у нее в голове с действительностью. Ее такая долгожданная и любимая дочь, ее маленький ангелочек! Всегда такая спокойная и уравновешенная девочка и вдруг такой страшный диагноз.

Нет, она готова была выслушать о небольшой умственной отсталости и даже признать, что ее девочка глубокий интроверт. Да, все что угодно, но только не то, что у ее крошки психическое заболевание, которое, в принципе, не поддается лечению. В космическую эру, когда перелет с одного конца Солнечной системы в другой занимает всего день, человечество осталось бессильным перед рядом заболеваний. Медицина не желала идти в ногу со временем, как и прежде ставя на колени перед болезнью людей.

Об аутизме известно уже не одну сотню лет. Эта болезнь исследована со всех сторон. Но так и осталась неизлечимой. Таких людей социализируют, их поведение корректируют, но вылечить не могут. И этот факт сейчас камнем лег на

сердце бедной матери.

Муж ушел еще год назад, когда их доченька Анита резко изменилась. Игривый веселый ребенок внезапно замкнулся в себе и стал на глазах превращаться в «овощ». Сначала, девочка перестала самостоятельно есть, пропала и без того редкая речь.

Днями она могла сидеть в своем креслице и рвать бумажные пакетики на мелкие кусочки. На женщину с ребенком стали обращать внимание на улице. Дома случались истерики и безудержный плач. Муж сдался очень быстро. Стоило его родственникам намекнуть на то, что в их семье никогда таких детей не рождалось, так он с радостью ухватился за эту мысль.

«Ты ее нагуляла» – с такой фразой он захлопнул дверь и ушел, оставив молодую супругу один на один с больным ребенком.

Потом были многочисленные анализы и обследования. Десятки врачей и несколько клиник. И вот теперь, когда ее доченьке исполнилось три годика, женщина услышала окончательный диагноз: «Ранний детский аутизм».

Полдня она проплакала. Анита совсем не обращала внимания на свою маму. Как всегда сидела в своем кресле и рвала найденную бумажку на сотни мельчайших кусочков. Женская истерика набирала обороты, молодая мать уже не просто плакала, а подвывала сорванным голосом.

Внезапно ее ноги коснулась маленькая ручка. Посмотрев

вниз, она увидела свою Аниту. В ладошках девочка держала свои клочки бумаги. Резко вскинув ручки, она подбросила их. Мельчайшие бумажные кусочки, медленно оседающие на пол, напоминали снегопад. Улыбнувшись и по обычаю уставившись куда-то в сторону, Анита медленно проговорила единственное слово, которое было в ее лексиконе:

– Касата!

В сердце матери вновь вспыхнул огонек надежды. Ведь ее дочь понимает, что это красиво, значит, не все безнадежно. Она же здесь с ней рядом, главное, достучаться до нее. Помочь ей вернуться в наш мир.

– Да, солнышко мое, это было и правда красиво, – ласково шепнула женщина и погладила свою малышку по непослушным волосикам.

Анита снова улыбнулась, обозначив милые ямочки на щеках.

– Вся твоя жизнь будет красивой. Я постараюсь, все для тебя сделаю. Ты будешь самой счастливой и красивой девочкой. Мы справимся со всем, милая. Мы справимся! Сейчас мама умоется, выпьет чашечку чая, и мы с тобой будем изучать, что же это за недуг у тебя такой. Все у нас будет хорошо и даже замечательно. Солнечную систему покорили, все планеты освоили, что мы с каким-то там диагнозом не справимся!

Действительно, что же это она крест на своем ребенке раньше времени ставит? Век-то какой на дворе. Вселенную

покорили, что же с болезнью не справятся? Справятся! Еще как справятся! Главное верить и не сидеть, сложа руки, в надежде на чудо. И тогда все у них будет хорошо!

Глава 1

22 года спустя

Земная федерация, город Марград

Мой идеальный и спокойный мир рухнул в одночасье. Нет, не тогда, когда мальчишки на магнокатах, рассекая воздух, мчались по улицам, выкрикивая: «Война, марсианское отребье идет!». И даже не тогда, когда к нам постучалась старушка соседка и объявила, что военные части эвакуируют, а гражданское население бросают на произвол судьбы. Нет, даже не судьбы, а марсианских солдат, которые оказались в разы проворнее мужчин с Земли. Нет, мой мир рухнул несколько позже: когда в наш дом ввалились дезертиры. Не воинов противников нужно было опасаться. Вовсе не тех, кого звали отребьем человечества.

Лютыми врагами оказались свои!

Не все солдаты пожелали уходить. Что их ждало после очередного тактического отступления? Очередной бой и еще одно поражение? Смерть или ранение? Многие, понимая, что победы землянам не видать, просто сбегали с воинских

частей на вольные хлеба. Уходили, прихватив оружие. Наверное, они надеялись только на то, что, обобрав местных, им удастся наскрести на билет в иную звездную систему. Все рвались туда, где не было войны, и были бы рады любому представителю многочисленных рас, лишь бы у него было желание обрабатывать землю и развивать безжизненные планеты, коих в нашей вселенной было великое множество.

В тайне об этом мечтала и я, но моя мама была непреклонна. Она верила, что беды обойдут наш дом стороной. И действительно, пока все было спокойно. Наши войска ушли. А на прощание, если можно так сказать, толстый усатый полковник со скамеек в скверике перед торговым центром произнес весьма воодушевляющую речь. Что-то вроде: «мы не уходим, это временное отступление и победа будет за нами! Вы тут держитесь, не горюйте, мы вернемся».

Конечно, все понимали, что нас, по сути, бросают на милость врагу. Но что мы могли? Бой за планету Земля был проигран. Марсиане отныне полноправные хозяева нашей планеты. Вот только надолго ли? Наверное, пока жители пояса Юпитера не нарастят военную мощь и не развяжут очередную бойню.

Все, у кого были средства, уже давно покинули пределы не только Земли, но и вовсе Солнечной системы. Ежедневно с портов нашей планеты отбывали огромные межзвездные корабли, увозя с собой тысячи беженцев – переселенцев. Правительство уже давно закрыло на это глаза, они были за-

няты своим спасением. Поэтому с каждым днем желающих рискнуть и убраться в иной уголок вселенной становилось все больше. По городу упорно ползли слухи о той или иной планете или расе, пускающей к себе переселенцев.

Например, система Оюта с удовольствием принимала беженцев. Это был, согласно слухам, замечательный мир: богатые плодородные планеты, яркая еще молодая желтая звезда, так похожая на наше Солнце. А главное, принадлежала эта система гурсанам. Одной из самых миролюбивых и толерантных рас. Им было важно, чтобы планеты развивались, и совсем не интересовала раса тех, кто будет этим заниматься. Гурсаны отличались терпимостью. Они совершенно не боялись того, что их раса переродится, и появятся многочисленные полукровки.

И были тому вполне обоснованные причины. Гурсанки вступали в связь только с представителями своей расы. Хотя порою крайне редко мелькали новости, где фигурировал и смешанный брак, но он обречен был стать бездетным. Все дело в том, что, будучи гуманоидами, как и люди, женщины гурсанки могли зачать ребенка исключительно от мужчины своей расы. Поэтому живущие по соседству с ними выходцы с иных систем совсем не мешали и не вызывали неприязнь.

Идеальный мир для тех, кто стремился покинуть Солнечную систему. Но оставалась одна проблема: до планет Оюта еще долететь было нужно, а это очень недешево.

И самое обидное, что и деньги-то у нас с мамой были. Но

моя мамочка посчитала, что нет разницы кто у власти: земляне или марсиане. Люди же и те и другие. Мол, что они нам сделают захватчики эти? Война закончится, и жизнь вновь войдет в свое мирное русло. Она всегда была оптимистом и когда наши соседи спешно покидали свои дома, она с улыбкой смотрела им вслед.

Зря!

Да, бояться марсиан не нужно было. Знали бы мы тогда, что на нас нападут свои же.

После ухода армейских частей, в городок ворвались дезертиры. Сначала эти трусливые шакалы орудовали на окраинах, совершая набеги на бедные кварталы. Они, как туча саранчи, опустошали один дом за другим. Хватали все: и вещи, и снедь. Да если бы только это! До нас с утра упорно долетали слухи, что, обнаглев от безнаказанности, эти нелюди принялись насиловать женщин. Всех, не взирая, на возраст и здоровье. Об этом шептались на каждом углу, но почему-то все были уверенны, что это происходит где-то там, далеко от нас, в кварталах, где расположены бордели и дешевые мотели с сомнительной репутацией.

Наша наивность не знала границ.

Когда стало понятно, что к чему. Моя проворная матушка только и успела, что запихнуть ничего не соображающую от ужаса меня в узкий чулан для робота-уборщика. Когда она попыталась закрыть дверцу, я словно в себя пришла.

– Мама! Нет, – я протянула руки к ней в попытке затащить

ее к себе, но мои ладони лишь скользнули по мягкой синей ткани ее домашнего платья. – Мама, ты должна спрятаться со мной.

– Здесь слишком тесно, солнышко, – мягко произнесла она и улыбнулась мне, на мгновение, заставив поверить, что все хорошо.

Ее длинные роскошные светлые локоны обрамляли такое родное лицо с умными и добрыми зелеными глазами. И я поверила, что все несчастья обойдут нас стороной. Что мама знает, что делает, ведь она, в отличие от меня, такая смелая и проворная. Это я трусливая копуша. А моя мамочка и горы свернуть сможет.

– Я спрячусь наверху, милая. А ты сиди тихо и не шуми, а то выдашь нас обеих. Все хорошо, солнышко. Ты главное, никогда ничего не бойся и хватайся за любую соломинку, что протянет тебе судьба! – с этими словами она захлопнула дверь, и я услышала, как она придвигает небольшой легкий шкафчик, видимо, чтобы кладовку чужаки не заметили. До меня донесся стук ее каблучков. Мама прошла к лестнице и все стихло.

Но тишина продлилась лишь какие-то секунды. То, что произошло дальше, уничтожило всю мою жизнь.

Я слышала, как с грохотом выбили дверь. Как в задоре заорали мужики. Топот их тяжелых ботинок был слышен повсюду. Завопила и мамочка, я словно оцепенела. Понимала, что нужно выбираться, что нужно ее спасать. Что она не

спряталась, как обещала, не успела, не смогла. Но каждый ее крик, крик единственного родного человека, вгонял меня в ступор. Я онемела и никак не могла заставить себя хоть двинуть пальцем. Даже дышать было сложно. Вдох с болью прорывался в легкие. Ее стоны словно врезались в мой разум. Внутри я билась в истерике, а физически стояла нешевелящейся статуей. Животный ужас липкой мерзкой змеей пробрался в мою душу и скрутил сердце. В голове набатом звучал его бешеный стук.

Не знаю, сколько это все продолжалось. Мама молчала. Исчез топот армейских ботинок. Дом погрузился в такую жуткую и шокирующую тишину. Я стояла, не двигаясь. Только мое сердце колотилось, как сумасшедшее. Тело же словно сковало тысячами цепей, каждая из которых душила и отбирала возможность здраво мыслить.

Спустя очень много времени, будто проскользнула мимо меня целая вечность, шкаф отодвинули. На меня стеклянными глазами на посеревшем и сморщенном лице смотрела соседка, женщина преклонных лет. Я же, не веря себе, оглядывала ее изодранную одежду и руки в свежих синяках. Избили. Ее в таком возрасте и избили.

Нелюди! Скоты! Мрази!

– Чулан, – старчески выдохнула она, – а я и не додумалась, что можно припрятаться в нем. Хорошо вы придумали, кто не знает планировку дома и не сообразит, где искать.

Я смотрела на нее как полоумная и не понимала, о чем

она толкует. Передо мною стояла старая избитая женщина. Но это было только начало моего личного кошмара.

Повсюду – на полу, на диване и креслах – валялись наши личные вещи. Сделав несколько шагов по направлению к лестнице, ведущей на верхний этаж в наши с мамой спальни, я с некоторым нездоровым удивлением заметила, что за каблучок моих домашних туфелек зацепилась какая-то беленькая тряпочка. Нагнувшись, я подняла ее.

Мое нижнее белье! Зачем солдатам мои трусики?! Зачем им это?

– Эти твари хватали все, что могли, – голос соседки, тети Эльвиры, казался сухим и безжизненным. – Этим шакалам теперь одна дорога на Вальнир к туларам. Те принимают всех без разбору, вот и грабят нас, чтобы на дорогу хватило. На межзвезднике путь туда неблизкий и недешевый.

Все это звучало так буднично, словно она о погоде говорит. Проковыляв через комнату, она устало опустилась на одно из кресел. На светлом полу за ней протянулась дорожка из капелек темной крови. Опустив глаза, я увидела большой порез на ее лодыжке.

– Всем нам досталось, девочка, а некоторые это нападения и вовсе не пережили. Мертвых много. А мама твоя где?

Такие известия низвергли меня в шок. С глухим криком я рванула на лестницу, споткнувшись на последней ступеньке, больно ударилась коленом. Но впервые в жизни боль, физическая боль, не остановила меня. С нечеловеческим глухим

рыком, я ворвалась в спальню к матери. Но лишь для того, чтобы безвольным мешком осесть на толстый цветастый палас.

Она лежала поперек кровати. Мои глаза заволокло пеленой безумия. Слух улавливал чей-то жуткий вой, а разум подсказывал, что эти чудовищные звуки издаю я сама.

Моя вечно молодая красавица мамочка! Центр моей вселенной и тот единственный якорь, что удерживал меня в этом безумном и страшном мире.

Моя всесильная мама, которой все было нипочем. Та, что годами вырывала меня из лап болезни, заставляла жить, мучила, водя на разные кружки, и укоризненно качала головой, когда я пряталась от остальных детей. Моя мама вопреки всем словам врачей оказалась способна побороть мою болезнь. Нет, не скорректировать мое поведение, не адаптировать меня к обществу, а именно преодолеть все препятствия и вывести меня из этого состояния. Она могла все.

А теперь ее больше нет…

Обхватив голову руками, я в припадке качалась из стороны в сторону. В голове тихо звучал шепот мамочки, запрещающий мне уходить в себя. Она настойчиво звала меня и требовала посмотреть ей в глаза. Но все это лишь плод моей больной фантазии.

Моего якоря больше нет…

– Не надругались, – выдохнула тетя Эльвира, – видно только ударили, чтобы не мешала. Жаль, хорошая женщина

была мама твоя. Но хоть не поиздевались.

В комнату тихо прошла соседка, скользнув ласково по моим волосам, она прошла дальше. Я отстраненно следила за ее действиями. Тетя Эльвира поправила подол красивого синего матушкиного платья, осторожно уложила ее руки на груди и зачем-то перевязала их носовым платочком. Всего этого я не понимала. Единственное, что, казалось, мне сейчас правильным – это укрыть ее тело и спрятать его ото всех.

Я встала и на негнущихся ногах пошаркала, как древняя старуха, в свою комнату. Сняла со своей кровати красивое покрывало. На белоснежной ткани красовались вышитые лапы ели и забавные снегири на них. Я обожала это покрывало, была привязана к нему с детства и не представляла, чтобы на моей койке лежало что-то иное. Но теперь все было неважно.

Протащив покрывало по полу до маминой комнаты, я аккуратно накрыла им любимого родного человека. Упав на колени рядом с ее постелью, прижалась щекою к теплым ступням, свисающим с матраса.

– Приди в себя, девочка, – голос соседки прорывался в мое сознание с трудом. – Разве для этого твоя мать столько времени и сил потратила? Чтобы ты в одночасье снова превратилась в бездушную куклу?

Я понимала, о чем она говорит, но мне было все равно.

– Анита, сейчас же встань и посмотри на меня! – грубые слова резанули слух, так на меня ворчала часто мама. – Ты проявляешь чудовищное неуважение к матери. Давай, сведи

сейчас на нет, все ее старания, и окажешься в психушке или каком-нибудь приюте для умалишенных. Так ты все труды матери испортишь. Хочешь, чтобы вся ее жизнь смысл потеряла?

Нет, не хочу. Не хочу подвести маму. Вздрогнув, я подняла тяжелую голову и взглянула на тетю Эльвиру.

– Вот так-то лучше, молодец, – похвала сейчас звучала так неуместно. – А теперь я буду задавать вопросы, а ты отвечать, поняла?

Я кивнула, обозначая, что пока еще в своем уме и все понимаю.

– Деньги у вас остались? – подумав, я отрицательно качнула головой, намеренно вводя ее в заблуждение.

Еще до начала военных действий мама взяла кредит на ремонт нашего салона красоты. Она была превосходным мастером, и все дамы нашего и не только района записывались к ней на процедуры на месяц вперед. Она умудрялась достать редкие косметические средства не только со всей солнечной системы, но и с соседних звезд. Уж не знаю, как она находила нужных людей, но контрабанда масок для лица, восстанавливающих бальзамов, кремов и прочих маленьких женских радостей лилась в ее руки рекой. Наш маленький бизнес приносил хороший доход, кредит мы отбили быстро. И вышли на чистую прибыль. Так что деньги у нас были. Не ахти, какая сумма, но и немало.

Вот только тетя Эльвира никогда не вызывала у мамы аб-

солютное доверие, а я так и вовсе относилась к людям враждебно. А как же иначе мне было себя вести? Я с детства слышала за спиной их язвительные, а порою и просто ядовитые комментарии в свой адрес. Все они были однотипны: «дебилка», «недоделок», «отсталая». Поначалу мне были абсолютно безразличны их слова. Я играла со своей любимой плюшевой собакой, и больше никого нам не нужно было. У нас был свой мир на двоих. Моя игрушка, которую я так и звала «Собака», и я были лучшими друзьями. Мы любили кататься на качелях, съезжать с горки и крутиться на каруселях. А потом в наш счастливый мирок ворвалась мама. Она нарушила всю идиллию.

Каждый день она заставляла меня разговаривать, произносить совсем не нужные мне слова, учила буквам и вынуждала их проговаривать. Цвета, названия предметов, цифры – все это, по сути, лишнее для меня, я учила, порою через истерики, а иногда и сквозь слезы. Она постоянно касалась меня, держала за руку, обнимала и гладила по волосам. Сначала это вызывало у меня неприязнь, но постепенно я привыкла и даже полюбила ее объятья. Годы прошли, прежде чем я стала осознавать, что для меня сделала моя мамочка.

Однажды в больнице мы зашли в отделение, где находились на реабилитации те, у кого в цифровой личной медицинской карте значился диагноз «ранний детский аутизм». Наверное, именно тогда я и обратила внимание на детей, что там тихо сидели на диванчиках. Потерянные, странные

и холодные. Кто-то, уткнувшись в планшет, тихо мычал под нос. Мальчик, наверное, примерно одного со мной возраста, сжавшись в комочек, тихо раскладывал перед собой спички по три в ряд. И это оказалось для меня откровением. Я сильно отличалась от этих детей и подростков. Многие из них даже родителей своих не узнавали.

Что-то случилось со мной тогда, что-то переключилось в моей голове, и я стала обращать внимание на все происходящее вокруг. Заметила косые взгляды соседей, услышала, как в мой адрес отпускают злые шутки девочки на игровой площадке. В тот момент я резко осознала, что мой мир ненастоящий. Что кроме мамы и моей плюшевой собаки, есть и еще другие существа. Через пять лет после того памятного похода в больницу с меня сняли диагноз и в свое совершеннолетие я вступила абсолютно здоровым человеком.

Но это знала я, знала мама, но не принималось в расчет соседями. Для них я навсегда осталась дебилкой и психической. Порою это даже играло мне на пользу, они, не стесняясь и не таясь в моем присутствии, обсуждали маму и таскали сплетни. Все это я рассказывала матери, и та осторожно корректировала списки клиентов, вычеркивая тех, кто очернял наш салон. Таких было немного, и тетя Эльвира была одной из таких женщин.

Одной из двуличных дам, что раскланиваются в похвале тебе в лицо, и тут же выливают ушат грязи, стоит только повернуться к ним спиной.

Вот поэтому сейчас я соврала, что денег совсем нет. Было в этой женщине что-то нехорошее. И поэтому как бы плохо мне сейчас не было, здравый смысл мне еще не отказал.

– Эх, жаль, говорят вечером в город войдут марсианские выродки. Что тогда будет никому не известно. Район у нас очень хороший, из домов, естественно, погонят и куда тогда идти? Тебя-то ладно, в лечебницу куда пристроят, а мне куда податься, – женщина горестно выдохнула и пошаркала к выходу из комнаты. – А ты точно уверена, что мать где-нибудь заначку не оставила?

Ее глаза буквально впились в меня.

– Нет, мама кредит погасила, и денег не осталось, – снова не моргнув, солгала я.

– Зря, деньги сейчас решают все, у кого они есть тот и выживет. Улетать отсюда нужно. Не оставят нам наших домов, всех погонят метлой в трущобы. И это еще в лучшем случае, – с этими словами она, не оборачиваясь более на меня, вышла. Ее шаги глухо звучали в коридоре, скрипнула последняя ступенька и все стихло.

В ее словах было зерно истины. Но сейчас мне было не до того. Откинув голову на матрас, я снова прижалась щекой к теплой ступне мамочки. По полу тянул сквозняк. Входной двери в наш дом более не существовало, а скоро у меня не останется и самого дома. Но это уже не важно. Я потеряла единственного родного мне человека. Теперь я осталась действительно одна.

Глава 2

Устало прикрыв глаза, я вслушивалась в то, что происходило на улице. Оттуда долетали женские голоса, чей-то истеричный плач. Соседка не соврала, и выживших и мертвых было немало. И у каждого свое горе. Я отчетливо сквозь женский надрывной плач, различала причитания и скорбное: «Милана, доченька моя».

Мила – девочка, живущая напротив. Значит, и ее больше нет. Перед глазами встал образ девчушки подростка лет пятнадцати с вечными косичками. Добрая она была и улыбчивая. Ее в разноцветном сарафанчике невозможно было не заметить. Все местные мальчишки тайно в нее влюблялись и даже дрались за ее внимание. Теперь уже она не достанется никому. Жаль.

Сильный порыв ветра распахнул настежь слегка приоткрытую форточку!!! В комнату ворвался поток воздуха и откинул один край покрывала, раскрывая лицо моей мамы. Я не могла смотреть. Хотелось запомнить ее живой и веселой, убеждающей, что все будет хорошо и волноваться не о чем. Да, теперь и правда, можно не бояться, терять мне совсем нечего.

Мой мир лежал в руинах!

Из состояния психического оцепенения меня вывел странный гул. Приподнявшись, я даже не сразу поняла, от-

куда идет этот звук. Встав с пола, я затравленно огляделась. Звук исходил явно с улицы. Подойдя к окну, я слегка нажала на сенсорную ручку. Бесшумно отъехала в сторону вторая створка, и я выглянула на улицу.

То, что я увидела, заставило меня окончательно поверить в то, что землянам войны не выиграть.

В небе, словно туча саранчи, затмевая солнечный свет, летели, наверное, тысячи двухместных марсианских истребителей. Даже мне, мало что понимающей в военном деле, было известно, что это за мощь. Небольшой корабль, рассчитанный всего на двух членов экипажа, прославился тем, что аналогов ему ни на одной обжитой планете солнечной системы не было. Маневренный корабль, способный летать, как в нижних, так и в верхних слоях атмосферы, не только Марса и Земли, но и Венеры, а при необходимости и покидать пределы стратосферы и вести бои и на околопланетных орбитах. «Марсианские осы» так прозвали это чудо боевой техники. Корабль оснащался при необходимости ракетами типа «воздух – земля», «воздух – воздух» и он отлично справлялись с функцией бомбардировщика. И сейчас в небе я видела тысячи этих кораблей, а значит, война окончена. И теперь победители летят осматривать военные трофеи.

И наши дома, наш город, да и, вообще, вся планета в целом и есть этот самый трофей.

Вспомнились слова соседки о том, что дома нам не оставят. Что-что, а тетя Эльвира всегда отличалась не только

скользким характером, но и острым умом. Еще раз я взглянула на небо, сейчас «марсианские осы» пролетали прямо над нами, и им не было конца. А по улице неспешно катились вездеходы, портя гусеницами дорожное покрытие. Красный знак Марса отчетливо виднелся на их башнях. На фоне планеты изображен великий Олимп – самый большой вулкан нашей системы. Гордость марсиан. Этот знак должен был внушать уважение и трепет, и он справлялся со своей задачей. О чем только думало наше правительство, развязывая войну?

Хотя какая уже разница… мы проиграли и потеряли все.

Отвернувшись, я осмотрелась. У меня остались часы, а может быть и минуты. Наши дома располагались практически в центре города, один из лучших районов. Так что захватчики заявятся в первую очередь сюда, а не в трущобы на окраинах. Нужно шевелиться и собрать вещи, пока есть такая возможность.

Скользнув в наш с мамой общий гардероб, я первым делом открыла скрытый в стене, практически у самого пола, сейф, спрятанный за обувными полками. Оттуда извлекла счет-карту с нашими сбережениями. Покрутив ее в руках, озадачилась вопросом, куда спрятать? И тут же мой взгляд наткнулся на серую пластиковую коробочку. В ней хранились занятные ботинки на платформе. Занятными их делал тот факт, что в этой самой подошве-платформе был тайничок, в который легко можно спрятать не только счет-карту, но и даже электронный паспорт. Мама в этих ботинках в

банк ходила.

Открыв коробку, я извлекла ботинки и сразу же, вскрыв тайничок, убрала туда карту и мой, и мамин паспорта. Оставлять какие-либо документы посчитала небезопасным. Быстренько оглядев все вещи, взяла с полки удобный широкий комбинезон и темную фиолетовую рубашку. Переодевалась в спешке, ожидая, что в любую секунду в дом заявятся непрошеные гости. Дальше действовала на автомате.

С самой верхней полки сняла вместительный зеленый рюкзак на магнитной платформе. Такая сумка была идеальна для длительного путешествия. При желании, она могла даже просто левитировать рядом с тобой и, главное, ее тяжесть практически не ощущалась. Единственное условие – это не превышать допустимый вес. Долго не выбирая, я закинула в рюкзак еще один комбинезон из плотной ткани, гамаши, пару брюк свободного кроя и несколько рубашек и футболок. В плотный тряпичный мешочек сложила носочки, в еще один нижнее белье. Много вещей постаралась не брать, все-таки нести это на себе придется.

Выйдя из гардеробной, не удержалась и еще раз подошла к кровати, на которой лежала моя мама. Тихонечко с тоской и разрывающей болью в душе на прощание погладила ее по ноге. Я буду помнить ее только живой и никак иначе. Только красивой и веселой. Любящей мамой, смотрящей на меня с нежной улыбкой.

Закрывая дверь, я заметила на стуле у зеркала любимую

белоснежную мамину шаль из натуральной шерсти, не удержавшись, бережно сложила ее и убрала в свой рюкзак. Это будет память о ней. Тихо прикрыв плотно дверь, я открыла панель управления климатом в доме и опустила температуру в маминой спальне до нуля.

Так будет правильно, марсиане не звери и они должны будут позаботиться о мертвых. Я хотела в это верить.

Пройдя в свою комнату, я собрала все галорамки с нашими с мамой фото и осторожно уложила в боковой кармашек рюкзака. Присев на свою кровать, окинула взором обстановку. Шкафы со статуэтками, стол, пара стульев, панель ТВ на стене, мой планшет, его я тоже упаковала в сумку. На стенах, выкрашенных в нежный оттенок зеленого, висели картинки, нарисованные моей же рукою. На окне шикарный тонкий оранжевый тюль. Мне особенно нравилось сочетание этого цвета с зеленым, поэтому палас на пол я тоже подобрала яркого апельсинового оттенка. Я с такой любовью выбирала дизайн комнаты, сама красила стены и вешала картинки. А теперь мне придется уйти из собственного дома, оставив его чужакам.

Это не было бы так страшно, если бы мамочка была сейчас со мной.

Спустившись по лестнице, я услышала через выломанную дверь крики на улице. Пару секунд спустя в дом вошли двое, окинув взглядом обстановку, они уставились на меня. По бронзовому оттенку кожи я быстро поняла, что это чисто-

кровные марсиане, а не наемники с пояса Юпитера. Жителей Марса выделял именно цвет кожи, во всем остальном они практически не отличались от Землян. За исключением марионеров. Именно так называли потомков первых покорителей красной планеты.

Первые небольшие колонии появились на Марсе в районе долины Марионер. Из-за губительного воздействия космической радиации и прочих неблагоприятных факторов у первопроходцев очень быстро появились мутации. Сначала незначительные, а затем и губительные изменения генотипа. Те люди, что выжили, стали прародителями новой расы человечества – марионеров. Эти люди отличались от чистокровных землян не только оттенком кожи, но и цветом глаз. Их оттенок варьировал от бледно-желтого до огненно-оранжевого. Марионеры были и выше, и физически в разы сильнее. Об их выносливости ходили легенды.

«В огне не горят, во льдах не замерзают» – так о них рассказывали, и в этом было изрядное количество правды. Марионеры приобрели способность контролировать температуру своего тела, и не только. Конечно, чаще всего представители этой расы солнечной системы выбирали профессию, связанную с армией. Еще бы, идеальные солдаты.

Но сейчас на меня в упор смотрели два простых солдата марсианской армии. Нервно дернувшись, я поднялась выше на одну ступеньку, готовая в любой момент сорваться на бег. Это было замечено. Один из меднокожих отступил на-

зад, освобождая мне путь на улицу. Но я не решилась к ним приближаться. Это все же враги и кто знает, что у них на уме?

– На улицу, землянка, – отдал приказ один из них. – Вас расселят во временном центре.

– А если я не хочу? – решила уточнить я некоторые моменты.

– Не хочешь выходить сама, поможем – оскалившись, ответил мне второй солдат.

– Нет, – тут же поправила я себя, – я имею ввиду, если в центр не хочу. Куда еще можно?

– Ты можешь улететь куда хочешь, – спокойно ответил первый, тот, что освободил мне путь на улицу, – если деньги есть.

Я хмыкнула, ну да, вот сейчас я вам так и сказала, есть у меня средства к существованию или нет. Прикусив губу, я с тоской посмотрела наверх.

– Ты задерживаешь нас, – послышалось нетерпимое со стороны дверей, – кто еще есть в доме?

– Никого, – тихо шепнула я, – до вас здесь были мародеры. Моя мама наверху в своей спальне.

Мой голос шелестел, как опавшая листва на ветру, но эти двое меня услышали. Может мне показалось, но злобы и пренебрежения в их глазах поубавилось.

– У меня отец на Ио, – зачем-то поделилась с ними я, – мне разрешат улететь к нему?

Конечно, откуда им знать, что мне разрешат, а чего нет? Но все-таки хоть какая-то информация мне сейчас не помешает. Им ведь виднее, что мне могут позволить, а что нет. Я с затаенной надеждой взглянула на того, что отнесся ко мне добрее.

– Сейчас тебе нужно попасть в центр помощи местному населению по этому району, его развернули в торговом центре в конце улицы. Там с тобой побеседуют психологи, и если информация о твоих родственниках подтвердится, то тебя отправят туда за счет нашего правительства. Так что выходи на улицу и иди следом за остальными, – он тепло мне улыбнулся. – Не бойся, никто вас не тронет. Война окончена, смерти больше ни к чему.

Кивнув ему, я опустила голову и практически вышла из дома, но все же не выдержала.

– А моя мама, что будет с ней? – мне нужно было знать, что с родным мне человеком обойдутся хорошо, что похоронят в соответствии с традициями.

– Не переживай, – буркнул второй солдат, – кремируем и прах развеем. Что мы изверги, по-вашему!?

– Нет, – тихо шепнула я ему, – но после того, что сотворили наши же, в хорошее верится с трудом.

Не оборачиваясь, я выскользнула на улочку и ни на кого не смотря, двинулась к торговому центру. Люди вокруг кричали и плакали. Кто-то порывался вытащить с собою как можно больше барахла, кого-то силой выталкивали за двери.

Многие были настолько сломлены горем, что, так же, как и я, просто брели куда сказали.

Я не поднимала головы, не хотела видеть отражение своей боли на чужих лицах. Вокруг царил хаос. Крики, ругань и тихий плач. Как же так? Мы ведь были уверены, что все беды обойдут стороной наш городок. Что война она там, где-то в небе. Что самое страшное – это похоронка, полученная на сына или отца. Как же все глупо вышло?

Как же так?

Ведь мы могли спастись, улететь, сбежать. У нас был шанс. И от этого стократ больнее. Нельзя быть наивными. Это непростительная ошибка.

Ошибка ценою в жизнь!

Ноги несли меня вперед, а мои мысли и моя душа парили там, в красивой белоснежной спальне в моем доме. Там под любимым покрывалом с яркими снегирями осталось лежать бездыханным мое сердце.

– Имя? – только услышав вопрос, я поняла, что уже пришла в пункт назначения, и сейчас молодой меднокожий солдатик пытался что-то сунуть мне в руку. Я не ответила, лишь уставилась на него. Тот, сплюнув, все-таки просунул мне в ладонь какой-то предмет.

Развернув то, что мне выдали, обнаружила простой пластиковый номерок с коряво выбитой на нем цифрой «56». Ничего не понимая, просто прошла вперед и села к остальным женщинам. Все молчали, и это щадило нервы. Женщи-

ны всхлипывали и прятали лица в простеньких тряпичных платочках.

Сейчас я завидовала им как никогда.

Я никогда не умела выражать свою боль слезами. Сколько себя помнила, никогда не плакала. Орала, визжала, истерила, но как только мое сознание очнулось, слез не стало. И это отравляло душу. Мама смеялась и утверждала, что так происходит потому, что я сильная духом. На самом деле я просто не могла заплакать, эмоционально не способна отпустить себя настолько, чтобы появились слезы.

Люди все приходили. Холл торгового центра заполнялся. Места уже на всех не хватало. То тут, то там возникали склоки, некоторых людей даже горе изменить не способно. Хамоватые женщины, пользуясь растерянностью других, буквально насильно поднимали их с занятых мест и усаживались сами. Подняв глаза, увидела, что прямо напротив меня стоит пожилая дама из соседнего дома. Из вещей у нее обнаружилась лишь старенькая кофта, в которую был завернут любимый кот.

Это заставило меня улыбнуться хоть на мгновение.

Я потянулась к ней рукой и быстро усадила на свое место. Я молодая постою, а ей уже силы беречь нужно. Наш, если можно так выразиться, временный покой охраняла бойкая рыжеволосая женщина, сидящая через сидение от моего бывшего места. Она бросала такой тяжелый взгляд на скандалисток и нахалок, что те просто сторонились и не прибли-

жались к нашим креслам. Время от времени назывались номера, кто-то уходил сам, а к кому-то подходили солдаты и уводили людей за какую-то дверь. Что там никто не знал.

Но многим было уже все равно, что их ждет впереди. Ясно, что ничего хорошего. Нас предали свои же. Бросили на растерзание сошедших с катушек мародеров и насильников, отдали в руки врага. А теперь в лучшем случае выдадут коробку в трущобе и бросят там умирать. А в худшем… Про худший вариант я даже думать не хотела. Втянув голову в плечи, я устало оперлась спиной о стену. Мимо пробежала чья-то девочка. Дети, хоть их не тронули.

– Номер «56», – раздался монотонный неживой голос.

Я не сразу сообразила, в чем дело. Только когда женщина с рыжим котом осторожно дернула за рукав, отмерла и уставилась на нее непонимающим взглядом.

– Твой номер, девочка, – я подняла номерок и еще раз убедилась, что там действительно накарябано «56».

Оторвавшись от стены, я неспешно на слабых ногах двинулась в тот самый заветный кабинет, из которого еще никто не выходил. Взявшись за ручку, я зажмурилась и рванула дверь на себя, словно прыгая в омут с головой.

Белые стены кабинета сразу же вызвали ассоциацию с больницей. Если бы я точно не знала, что нахожусь в бывшем торговом центре, то поверила бы, что это клиника. За столами сидели люди. Все марсиане в военной форме. Женщин не наблюдалось. Неуверенно пройдя вперед, остановилась у

единственного стула, стоящего перед этими самыми столами практически в центре комнаты.

«Как на допросе» – мелькнула мысль.

– Имя? – раздался чей-то очень недружелюбный рык. Я не успела заметить, кто спросил, поэтому беспомощно замотала головой, не понимая, кому тут отвечать.

– Девушка, сядьте на стул, – мягко приказал мужчина, сидящий прямо передо мной, – и назовите имя секретарю.

Жестом довольно мощной руки, похожей на лопату, он указал на худого мужика с острым носом. Тот, убедившись, что я смотрю на него, еще раз рыкнул:

– Имя?

– Анита Корф, – негромко прошептала я.

– Возраст? – все тот же холодный злой рык.

Вздрогнув, я подсобралась и сжала ладони в кулаки. Ногти больно врезались в кожу. Я не могла переносить крики и ругань, направленные на меня. Это дезориентировало и вгоняло в ступор. Сглотнув и уставившись в одну точку под столом говорившего, ответила:

– 25 лет.

– Статус? – на этом вопросе я окончательно зависла и ушла в себя.

– Я спросил статус! – чем злее и громче он кричал, тем страшнее мне становилось. Не выдержав, я закрыла уши руками и тихо зашептала детскую считалочку. Так мама учила справляться со стрессом.

– Крамер, замолчи. Найдите и выведите данные на нее, – сквозь мое бубнение до меня донесся еще чей-то голос, заставивший умолкнуть орущего. Не знаю, что там происходило дальше, я ни на кого не смотрела. Я ждала, когда все это кончится и меня отпустят, или не отпустят, но главное, чтобы не орали.

Мужчины о чем-то переговаривались, пытались задавать мне вопросы. Но я игнорировала их и не желала даже смотреть в их сторону. За моей спиной приоткрылась дверь, и чьи-то каблучки застучали по полу. Передо мной присела красивая меднокожая женщина с изумительными огненными волосами. На ее лице сияла располагающая улыбка.

– Здравствуй, Анита, – вежливо обратилась она ко мне, – тебя выбили из равновесия эти суровые вояки? Не бойся, они только с виду грозные.

Неуверенно я разжала руки и отвела их от головы.

– Они кричат, – пожаловалась я зачем-то ей.

– Тебе не нравится, когда громко разговаривают? – столько участия слышалось в этой простой фразе.

– Это пугает, – шепотом призналась я, – и я теряюсь.

– Скажи, у тебя есть родственники за пределами Земли? – ненавязчиво поинтересовалась красивая женщина, видимо она была психологом. Слишком быстро она вывела меня из моего оцепенения.

– Да, отец на Ио, я бы хотела улететь к нему, – вопрошающе я уставилась на ее красиво очерченный рот и ждала слов,

что она произнесет.

– Конечно, если хочешь, мы отправим тебя к нему.

Дождавшись пока я кивну, женщина встала. Вокруг ее ног взметнулся подол зеленого платья.

Глава 3

В космопорт меня и еще двух женщин планировалось доставить, как говорится, «с шиком». Какое-то время мы ждали пассажирский транспорт, присев на лавочки у торгового центра и хмуро взирая на дорогу. Туда-сюда сновали военные вездеходы с эмблемой Марса. Что-то грузили, таскали коробки с непонятным содержимым. Потом я заметила, как мимо нас промчался огромный автовоз под завязку набитый явно поддержанными магнокарами.

– Они что, даже машины наши решили к рукам прибрать? Что за дикость такая? – возмутилась женщина средних лет, сидящая рядом со мной. Ее лицо было мне незнакомо.

– А что удивляться? Богаты только генералы да прочая военная верхушка, а простым капитанам да лейтенантикам крутиться надо. Сейчас вывезут да продадут на Венере, Марсе да Юпитере по дешевке, а денежки в карман, – поделилась мыслями вторая дама весьма ухоженного вида.

– Я слышала, наши дома будут отдавать особо отличившимся солдатикам, вроде как дополнение к медалям и орденам.

– Я тоже это слышала. Вроде как, даже Землю за городом поделят. На Марсе-то что, как ни старайся, а грунт к сельскому хозяйству непригоден. Да и перенаселение у них страшное. Сюда лава желающих прихватить участок хлынет, как

только кордон военные снимут. Свое тут уже ни один землянин не убережет.

– Ну да, – вздохнула первая женщина, – тут бы живым остаться. Слышала, марсианские вояки всех дезертиров переловили. Женщина со мной сидела, коллега по работе, рассказывала, что их на въезде в город на столбах освещения вздернули. Там, говорит, целая аллея висельников.

– А она откуда видала? – признаться, этот вопрос возник и в моей голове.

– Так, когда ясно стало, что бросят нас тут врагу на милость, они с мужем в магнокар вещички-то сложили и уезжать. Да не успели, шакалье дезертирское из щелей повылазило. Они в западной части города в доках с мужем спрятались. Отсиделись и за город. А там уже марсиане из падали этой гирлянды вешают. Их остановили и завернули. Говорит, из вещей солдаты ничего не тронули, только паспорт мужа проверили, а как убедились, что списан он из-за ранения, так и отпустили.

– Да, не тех мы боялись, – горестно вздохнула сидящая напротив меня женщина, – совсем не тех. Я же до последнего этому генералу Крадичу верила. Даже когда он на прощание тут речи задвигал про нашу доблестную армию. Я верила, что все образуется, что ну не могут наши марсианам проиграть. И вот результат, сижу тут с двумя тюками вещей. Дослушалась! Перед самой собой за наивность стыдно, хоть не снасильничали и то хорошо, – подытожила она.

Мне же после ее последней фразы стало совсем не по себе. А мама? Я ведь даже не глянула на ее повреждения, что сделали с ней!? Соседка сказала, что ударили только… Нет. Не хочу думать и гадать. Ее нет и уже не вернуть. Но в то же время на сердце стало чуточку легче при мысли, что тех тварей, что разрушили ее жизнь, больше нет и подохли они, как гиены бешеные. Хотелось бы взглянуть на их висящие трупы и плюнуть им под ноги. Я никогда не была кровожадной, но сейчас во мне разгоралась такая злоба, что на мгновение я испугалась саму себя.

Я действительно хотела видеть трупы убийц моей мамы.

От жутких мыслей меня отвлекло неясное жужжание. Вскинув голову, пронаблюдала, как в нескольких метрах от нас, прямо на газон, приземлилась «марсианская оса». С такого близкого расстояния корабль было легко рассмотреть в деталях. Хотя глядеть, как оказалось, было особо не на что. Облик действительно напоминал насекомое, в честь которого и был назван этот истребитель. Кабина пилотов напоминала голову осы, а два черных лобовых окна ее глаза. Далее располагался технический отсек и «брюшко», оснащенное лазерным «жалом». Как есть – металлическая оса.

Кабина открылась, и из нее спустились по лестнице два марсианина. Эти меднокожие казались повыше и покрупнее остальных виденных мною солдат. Они приближались к нам и, вглядевшись в их лица, я отчетливо увидела цвет их глаз. Желтые у обоих, разница лишь в оттенках. Значит, передо

мной настоящие марионеры.

Подойдя к нам, коренные марсиане как-то пренебрежительно окинули нас взглядом, чуть задержавшись на моем лице. Потом скептически оценили размер багажа моих спутниц, и, нагловато хмыкнув, скомандовали:

– На одну женщину – один чемодан и не более. Разбирайте сумки и собирайте то, что действительно нужно. На все про все у вас десять минут.

После этого, не слушая ничьи охи и вздохи, мужчины слаженно двинулись в здание торгового центра, которое все более походило на военный штаб.

Посмотрев на свой скромный по сравнению с многочисленными чемоданами остальных женщин зелененький рюкзачок, решила, что хоть здесь я не сглупила.

На моих спутниц было больно смотреть. На асфальте перед лавочкой разложили пять чемоданов высотою мне по пояс. Женщины закопались в свои вещи с головою и тоскливо перебирали одежку. Сколько там было шмотья, я даже пару вечерних платьев заметила. Зачем они сейчас?

Дальше начался кошмар. Оказалось, что выбросить две трети вещей дело архисложное. Потому как рыдания сотрясали милых дам каждый раз, как они выкладывали на асфальт очередную кофточку или юбочку. В итоге, через десять минут передо мной на земле все также лежали пять раскрытых чемоданов и перед ними на карачках ползали две зареванные дамы.

Вот примерно такую картину и увидели вернувшиеся пилоты.

– Ну и где чьи вещички? – поинтересовался один из них.

Женщины, возведя на них печальные взоры, утирая слезы на глазках, ткнули пальчиками каждая в свою поклажу. Наверное, подставы они от мужчин не ожидали. Те же, подойдя к чемоданам, просто вывернули их содержимое в две кучи, по одной у каждой женщины.

– Один чемодан и не более, – рявкнул один из них, – на все две минуты. Если не успеете, полетите в том, что на вас надето.

И все, развернувшись, отправились к своему кораблю. Милые заплаканные дамы слезки подсобрали и шустро кинулись на разборы своего имущества. В чемоданы с огромной скоростью летели кофточки, блузочки, штанишки и платьица. Потом одна из них вспомнила, что в скрученном виде одежды влезает больше и началось эпическое сражение со временем. Одна их них умудрилась скрутить в тонкий валик даже объемную курточку. Таким умениям я позавидовала. В итоге они обе умудрились сложить ВСЮ свою одежду каждая во всего один чемодан. Как? Это только высшим силам известно.

Поразились даже суровые марсианские пилоты, обнаружив через две минуты двух счастливых женщин, два закрытых вздутых и непонятно какими магическими силами закрытых баула, три рядом валяющихся пустых чемоданчика

и одну офигевшую от произошедшего меня.

Почесав затылки, марионеры промолчали. Даже не прокомментировали такие фантастические умения дам. А когда эти хрупкие женщины еще и к кораблю свои баулы попёрли, так и вовсе один их них споткнулся на ровном месте.

Да вот тебе и слабый женский пол.

Приближаясь к «осе» со своим рюкзачком, я гадала, как эти мужчины собираются перевезти нас троих в столь тесной кабине. Там ведь по идее даже дополнительных сидячих мест нет. Остановившись у трапа, я внимательно наблюдала за происходящим, боясь где-нибудь «затормозить».

Марионеры вблизи оказались высоченными мужчинами, которым я и до плеча не доставала. Сначала они с легкостью подняли по лестницам тяжеленные чемоданы, прихватив и мою скромную сумочку. Потом один из них спустился и указал одной из женщин лезть вверх. Кабина располагалась, как минимум, на высоте второго этажа типового здания. Вскарабкалась одна, за ней другая дама, пришла и моя очередь.

Сглотнув, я занесла ногу и замерла. Ладони мгновенно вспотели.

– Боишься высоты, красавица? – раздалось над моим ухом. Сильные мужские руки плавно опустились на мою талию. – Давай, я тебя подстрахую.

Не давая опомниться, меня поставили на первую ступеньку. Мощное мужское тело оказалось позади меня, прижимая к металлическим перекладинам. Я и охнуть не успела, как

лестница медленно поползла вверх, увлекая за собой и нас. Теперь мне уже было не до мужской близости. Я, пискнув с перепугу, вместо перекладины ухватилась за запястье мужчины, вызвав его тихий смех.

– Тихо, красивая, не уроню. Таких лапочек беречь нужно. А может, не полетишь на свой Юпитер? Сходим вечером поужинаем, – шепнул незнакомый марионер мне на ушко.

От такого предложения я поперхнулась и, задрав голову, уставилась на мужчину. Эти ухаживания сейчас казались такими нелепыми и ненужными. Словно он смеялся над моим горем.

– Ты не думай, я с самыми серьезными намерениями, – лицо его было сурово, а вот в желтых глазах плясали чертята. – Ну как, пойдешь со мной на свидание?

Уже забыв о высоте, я отрицательно качнула головой. А в душе такая злость поднималась. Как я ненавижу всех с их войной.

– Жаль, такая изящная красота и достанется не мне. Несправедливо, – обиженно протянул марсианин.

Легкий толчок заставил меня отвлечься от мужского лица. Оказалось, мы уже прибыли наверх. Легко подхватив под руки, второй пилот поднял меня и поставил в кабину. Следом за мной запрыгнул его напарник.

– И как? Согласилась? – поинтересовался первый мужчина.

– Нет, не пойдет она со мной на свидание, полетит на свой

Юпитер, – горестно отозвался его друг.

Мои глаза мгновенно расширились. Это что получается, он не спонтанно, а заранее спланировал меня на ужин пригласить. На меня вообще раньше мужчины внимания не обращали, а тут такой экземпляр.

– Ну, тогда может, не повезем ее никуда? Глядишь и передумает, – то ли в шутку, то ли всерьез предложил один из пилотов.

Икнув, я шагнула в сторону. И тут помощь пришла, откуда не ждали.

– Уважаемые, вы уже совсем совесть потеряли?! Сначала планету нашу к рукам прибрали, потом город, дома, магнокары, а теперь уже и за девушек наших взялись! К отцу она летит, и если есть какие желания относительно нее серьезные, то летите следом и сватайтесь у родителей.

Одна из женщин буквально грудью прикрыла меня от мужчин, следом за ней в атаку на инопланетных мужиков ринулась и вторая.

– Правильно, есть планы жениться, так лети рядышком, – затараторила она. – А так, нечего дурить девочке голову. А то увидели, что она тихая да скромная и распушили хвосты.

Марионеры мгновенно сдулись и тут же переключили свое внимание на корабль. Меня же за руку женщины отвели к вещам и посадили на небольшую скамеечку, стоящую за креслами пилотов. Откуда только эти особы узнали к кому я лечу? Хотя чему удивляться, если они, сидя в центре города,

прознали, кого и где подвесили и что, вообще, за городом делается, кому наши дома достанутся и так далее. Поражаться их осведомленности насчет меня, наверное, глупо. Но более смутила их необдуманная смелость, вступиться за меня и не убояться врага. Да война окончена, но мы ведь бесправны.

Дальнейший полет прошел в полной тишине.

Только увидев огромный межпланетный пассажирский крейсер, стоящий на взлетной платформе космопорта, на который нас доставила «Оса», я окончательно поняла, что меня не обманули.

В салон крейсера я вошла одной из первых. Так что у меня была возможность выбрать себе место. Признаться мне было абсолютно все равно, где сидеть, но повинуясь привычке, я прошла в конец салона и разместилась на предпоследнем ряду рядом с иллюминатором. Смотреть там, конечно, было не на что. Во время полета на них активировали голографические изображения планет, порою транслировали документальные фильмы или спортивные передачи. Сейчас же я отчетливо видела сквозь стекло здание космовокзала. За ним возвышались высотные дома, в которых раньше располагались многочисленные офисы фирм. По бокам зданий на огромных террасах ярким пятном горели благоустроенные зеленые островки. На Земле было модно в административных зданиях размещать миниатюрные парки и аллеи из вечнозеленых хвойных деревьев. Разбивались такие насаждения примерно на уровне тридцатого этажа.

Я никогда не была ни в одном из них.

Все мечтала получить образование и стать работницей офиса. Эти женщины всегда восхищали меня. У мамы было много клиенток и среди них встречались и бухгалтеры, и менеджеры. Их всегда отличал деловой стиль и ухоженность. На лицах непрошибаемая уверенность в себе. Элегантные, стильные и смелые женщины. Они обладали теми качествами, которых так недоставало мне.

Но мечты так и остались мечтами. Я прилежно, втайне от мамы, готовилась к поступлению. Читала учебники, решала математические задачи. И вроде все получалось. Я действительно старалась, как могла. Осваивала самостоятельно материал, который не давали нам в школе. Зубрила ночами и все мечтала о престижной профессии. О том, какой замечательный из меня получится финансовый аналитик. Именно эту специальность я выбрала для себя.

Маме ничего говорить не стала. Хотела, чтобы был сюрприз, а может, боялась, что не поступлю и она расстроится.

И хорошо, что смолчала. Мне не хватило для поступления каких-то четырех баллов.

Я провалила предмет «История Солнечной системы», запуталась в датах. И напортачила в электронных бланках ответов. Мама так и не узнала о моей провальной попытке получить высшее образование. Придя домой, я весь день просидела в комнате, обдумывая случившееся. Четыре каких-то балла отделяли меня от мечты. Да, можно было бы попробо-

вать поступить на следующий год, но у мамы были на меня, оказывается, свои планы.

По ее велению я закончила сначала медицинские фельдшерские курсы, а потом отучилась в школе косметического искусства и стала «мастером маникюра и педикюра». Вот так вот, мечтала о высшей экономике, а стала маникюрщицей. Наверное, стоило показать характер, сказать маме «нет» и выложить свои планы на жизнь. Но я как трусливый страус засунула голову в песок и подчинилась воле любимой родительницы. Жалею ли я об этом? Да, конечно! Каждый раз, видя перед собой элегантных женщин в деловой одежде, с огорчением понимаю, что могла быть одной из них. Нет, я не унижаю работниц сферы красоты, это тоже достойная специальность. Но это не моя мечта.

Я желала для себя другого.

А вот сейчас я по-новому взглянула на себя. Рассматривая свое отражение в иллюминаторе, я понимала, что мне просто не дано стать высокомерной дерзкой барышней. Хотя бы потому, что я внутри не такая, что уж говорить о внешности. Худенькая, невысокая девушка. «Изящная» – как любила приговаривать мама, выбирая мне одежду. Небольшая аккуратная грудь, узкая талия и невыдающиеся бедра. Я находила свою фигуру скучной и неаппетитной. Мне редко смотрели вслед, и уж тем более, никогда не пытались познакомиться.

«Ты слишком поздно расцвела» – как-то заявила одна по-

стоянная клиентка нашего салона, когда я делала ей маникюр. Может она и права, но вот только от того, что грудь моя обозначилась позже, чем у остальных моих знакомых, больше она не стала. Мой скромный почти второй размер меня раздражал и расстраивал. У мамы-то моей был бюст четвертого размера. Ей вслед мужчины не то, что смотрели, слюною капали. Скольких ухажеров она отвергла. Да не счесть!

А вот дочь подвела. Рассматривая свое отражение, я еще раз огорчено вздохнула и расстроилась, что нет во мне совсем ничего маминого. На меня смотрела молодая девушка с мечтательными светло-карими большими глазами. Светлые волосы я стригла коротко, позволяя прядям торчать во все стороны. Как ни странно, такой легкий беспорядок на голове очень мне шел. Вообще, черты моего лица подходили больше угловатому подростку, чем молодой женщине: высокие скулы, тонкий нос, изящная линия бровей. Может кто-то и счел бы это красивым, но я видела в своем отражении женщину-ребенка и не более.

Вздохнув, я откинулась на кресло и прикрыла глаза. Не верилось, что все происходит в действительности. Салон потихоньку наполнялся людьми. В основном женщины и дети. Становилось жарко и душно. Вентиляцию нам никто включать не торопился. Но никто не роптал, все были рады хотя бы тому, что нас бесплатно перебросят на пояс Юпитера. У многих даже на такую поездку денег не было. Это мы с мамой оставались на Земле, потому что наивно верили в луч-

шее и светлое, а у остальных банально финансов недостаточно было.

Солнце уже склонялось к горизонту, когда я увидела дым, вырывающийся из городского крематория. Замерев, я буквально прилипла к окну космического крейсера. Эта тонкая серая струйка дыма могла означать только одно – марсиане сдержали слово и позаботились о мертвых. Постепенно в салоне стало тихо. Дым над крематорием заметили все. Кто-то, как и я пожирал глазами едва виднеющееся здание, кто-то тихо плакал, прикрыв лицо ладонями.

Не отвлек нас даже гул включившихся двигателей. Крейсер приводили в вертикальное положение, я все не могла оторвать взгляд от дыма. Там сейчас находилась моя мама. А я даже не смогла проводить ее в последний путь. Не будет могилки с урной с прахом. Не будет цветов и свечек. Никто не поплачет и не бросит горсть земли. Только дым и зола. По моей щеке скатилась одинокая слеза. Я заплакала впервые за долгие годы. Только сейчас я окончательно поняла, что мамы больше нет.

Все, что от нее осталось – серый дым в небесах.

Глава 4

Весь полет занял несколько долгих душных часов и не запомнился мне совсем. Гул двигателей и легкое головокружение – это все, что сохранила память о моем первом большом путешествии, те межконтинентальные перелеты, что мы совершали с мамой на Земле, не в счет, ведь мы даже орбиту нашей планеты не покидали.

Спускаясь по трапу, я была поражена панорамой небес. Замерев, я подняла голову наверх. Там в небе виднелся огромный диск Юпитера. Отчетливо различались полосы на его поверхности и большое красное пятно. «Вечная буря» – так говорили нам в школе. Сейчас я могла воочию увидеть все величие Юпитера. Красоту полосатого серо-оранжевого исполина. Я мало что знала об этой гигантской планете и сейчас поняла, что прекраснее ее нет во всей Солнечной системе, а может и во вселенной. Взирая в небеса, я наслаждалась сказкой и не верила сама себе. Я вижу чудо.

Юпитер – загадочный огромный исполин Солнечной системы.

Суровый мир, наполненный ветрами и бурями. Его поверхность, почти полностью состоящая из газа, однозначно непригодна для жизни. Но именно он породил целую систему колоний. Следом за Марсом человечество ступило на поверхность ледяных океанов Ганимеда, Каллисто, Ио и Евро-

пы. Разрослись города. Пояс Юпитера быстро развивался и стремительно завоевывал место на политической и экономической арене нашей системы.

Этому способствовало все. Площадь заселенных спутников несильно уступала тому же Марсу или Венере. Ну а непосредственная близость с поясом астероидов делала порты Ганимеда и Каллисто наиболее доступными и выгодными. Тут даже Марс уступал в конкуренции. Огромные логистические центры пояса Юпитера приносили правительству колоссальную прибыль. И теперь все, чего не хватало юпитерянам, чтобы заявить о господстве в Солнечной системе – это военная мощь. Но и это было временно. Именно за Юпитером было будущее.

Вокруг меня суетливо спешили куда-то люди. Народ, населяющий Юпитер практически не имел своих фенотипических особенностей. Здесь были и земляне, и бледнокожие венерянцы. Пояс гиганта Юпитера был колонизирован сравнительно недавно. При этом у человечества уже имелся горький опыт ошибок, из-за которых первопроходцы в итоге приобретали кучу мутаций. Особенно тяжело пришлось первым жителям Венеры. Купол, выстроенный по марсианскому типу, совсем не выдерживал губительного действия мощной атмосферы этой планеты. Постоянные аварии приводили к массовой гибели людей. Только с четвертой попытки удалось правильно рассчитать все параметры атмосферного купола, но для жителей было уже поздно. Они приобрели свои непо-

вторимые особенности и стали легко отличимы от землян.

Словно нарочно вторя моим мыслям, навстречу мне по терминалу двигалась целая группа венерянцев. Их бледная, почти белая, кожа резко бросалась в глаза. Рыжие, словно морковка, волосы тоже было сложно не заметить. Низкорослые широкоплечие люди. Словно их сплющило немного. Они обладали отменным здоровьем и жили лет на двадцать, а то и тридцать дольше среднестатистического землянина.

Высокомерные. Хотя им действительно было, за что себя любить. Каждый второй выдающийся ученый за последние двести лет был родом с Венеры. То, что жители второй планеты нашей системы умнее и абсолютно не склонны к психическим заболеваниям – это доказанный факт. Зато именно их врачи оказывались превосходными психиатрами.

Меня лечил именно венерянец, и к этой расе я относилась с огромным уважением и почитанием.

Миновав терминал, я вышла в зал ожидания. Небольшое помещение пестрило баннерами с рекламой, которые обнаруживались даже на спинках сидений. Голограммы мерцали, предлагая отведать блюда из нового меню местного ресторана, отправиться в отпуск Марс и покорить Олимп, купить ребенку новейший магнокат и так далее. За рекламой было сложно уследить, слишком много ее тут. Признаться, в какой-то момент это стало раздражать.

Еще на Земле перед отлетом ко мне подошла та самая женщина психолог, что помогла во время то ли допроса, то

ли распределения. Она сообщила, что моему отцу отправлено сообщение о прибытии его дочери. Он должен будет меня ждать в космопорту. Я благодарно ей улыбнулась. Все же очень приятная и красивая женщина.

Я так тогда и не поняла, зачем нас женщин вызывали в тот кабинет на встречу с марсианскими вояками. Что хотели? Расселить быстро всех по трущобам, чтобы не болтались под ногами? Максимально выселить коренных землян с планеты? К чему все это? Сплошные вопросы, ну что я понимаю в войне. Делали, значит, нужно им это было. А я не поняла, что к чему, возможно, потому что мой допрос явно пошел не по их сценарию. Хотя там все были слегка не в себе. И все же чего от нас простых жителей хотели?

Да и неважно уже все это, сейчас это просто неприятное воспоминание.

Главное найти себе место в жизни и куда-нибудь пристроиться. Я смутно помнила, как выглядел отец. Но и эти воспоминания вряд ли чем-нибудь мне сейчас помогут. За почти двадцать лет он наверняка изменился до неузнаваемости. Мне едва исполнилось два года, когда отец собрал вещи и ушел от нас. Потом еще пару раз он встречался с нами, но только по вопросам развода и алиментов. Причина разрыва семьи была банальна: ему надоело возиться с больным ребенком.

Мама почти никогда не придавалась воспоминаниям. Но в те редкие случаи, когда ее пробивало на откровенность, она

рассказывала, как он обвинял жену, то в изменах, то в том, что я неродная, потому как от него такого ребенка родиться не могло. Свекровь, то есть моя бабушка по отцовской линии, вторила ему. И однажды отец просто поставил маму перед выбором: либо меня отдают в интернат для психически нездоровых детей и их жизнь становится как прежде, либо он уходит из семьи.

В тот же день мама сказала ему: «Прощай».

К слову, очень скоро мой папа убедился в своей неправоте. Через год он снова женился, а еще через девять месяцев у него родилась еще одна дочь. У девочки диагностировали то же заболевание, что и у меня, но в куда более сложной форме. О ее судьбе мне мало что известно, но надеюсь, для отца это был урок.

Сейчас же выискивая в толпе мужчину хоть издали похожего на моего родителя, я сама себе задавала вопрос: а зачем мне он нужен? Вот встречу я его сейчас и что скажу: «Здравствуй папа, как дела?». Да бред же. Чужой человек, посторонний. Пройдясь, я села на свободное кресло и решила, что будь что будет. Мое внимание непроизвольно постоянно переключалось с одного мужчины на другого, но все они проходили мимо, даже не бросив на меня и мимолетного взгляда.

Просидев так несколько часов, я, наконец, согласилась с тем фактом, что моему отцу как было все равно, что со мной, так и осталось. Подхватив свой рюкзак, я неспешно отпра-

вилась в сторону выхода. Но вопреки всем своим убеждениям насчет отца я ловила себя на том, что постоянно оборачиваюсь в тщетной надежде на то, что он все-таки придет в самый последний момент. Скажет, что просто задержался или ему неправильно сказали время прилета моего корабля. Или еще что-нибудь оправдательное.

Но чуда в очередной раз не произошло.

Почти выйдя из здания космопорта, я столкнулась с новой проблемой. Она была проста – мне идти-то было некуда. Поэтому обернувшись, я вернулась снова в зал ожидания. Тут можно хотя бы посидеть. И стоило бы призадуматься о том, что делать дальше.

Тут же пришла запоздалая мысль: «А зачем я вообще сюда прилетела?».

Весьма актуальный вопрос: что я здесь потеряла? С чего я вообще решила ехать к отцу, которого и не помню-то вовсе? Объяснение своим последним действиям могла дать одно – сказался шок пережитого и стресс.

Или я просто дура.

Но это все не столь сейчас важно. Я уже здесь и это факт. А дальше-то что делать? Искать отца бесполезно, хотел бы меня увидеть – приехал бы. Но всегда есть вероятность, что в пути с ним что-то случилось. Я любила смотреть сериалы, и часто там главные герои то разминутся на пару минут, то кто-то попадает в больницу, а другой думает в этот момент, что его предали. Так что с отцом нужно было все выяснить

до конца.

И как же это сделать?

Не знаю. А если я чего-то не знаю, то надо у кого-то спросить. А где спросить? Ну, наверное, в отделе справок и информации. Так и сделаю. Встав и подхватив рюкзак, я отправилась на поиски менеджеров по работе с пассажирами. Такие имелись в каждом порту.

Отдел справок нашелся не сразу. Вопреки логике, находился он не поблизости с залом ожидания, а почему-то рядом с кассами. Идя по вспыхивающим бледным зеленым указателям, я не сразу догадалась, что шесть терминалов и окошечко с сидевшей за ним девушкой и есть весь отдел справок. Покрутившись возле одного из аппаратов и несмело потыкав в сенсорный экран, признала, что так я ничего не выясню. Здесь были маршруты космических кораблей, расписание вылетов, даже про звездные системы что-то было, а вот про Ио вообще ничего. Ни адресных книг, ни каналов связи. Вообще ничего. Подсобравшись, я отправилась пытать девушку в окне.

По мере моего приближения ее лицо все больше расплывалось в «рабочей» улыбке. Наверное, у работниц этого отдела к концу смены губы сводит.

– Добрый день, – услышала я дежурное, – чем могу вам помочь?

Мда, планеты разные, космопорты разные и фразы все одни и те же.

– Добрый день, – ответила я вежливо на приветствие. – Мне нужно узнать информацию о человеке, который должен был меня встречать.

– Конечно, – девушка улыбнулась еще шире, – можно ваш электронный паспорт?

Да, проблемка. Документ-то у меня в тайничке в башмачке. Ну, придется доставать у всех на виду. Не бежать же спешно в туалет, чтобы вынуть карту с личными данными там?

– Минуточку – пробормотала я, а потом присела на корточки. Любопытная девушка аж из окошка своего высунулась посмотреть, что же я там делаю.

Я же с невозмутимым лицом вскрыла ячейку в платформе ботинка и извлекла оттуда свой паспорт. Встав, столкнулась с удивленным лицом менеджера.

– Я с Земли, – зачем-то пояснила я девушке, – наш город захватили, была вероятность того, что, прежде чем выпустить с планеты, нас обыскивать будут.

– Ну да, конечно, – согласилась она с моей логикой, – интересная у вас обувь, полезная для путешествия. Ну, давайте паспорт.

Я протянула ей свой документ. Активировав его, девушка прочла имя и фамилию и тут же словно не поверила сама себе, даже переспросила:

– Вы Анита Корф?

– Да, – подтвердила я информацию со своего паспорта, –

а что-то не так?

– Вы ищете отца?

Вот это мне уже как-то не понравилось. Поджав нижнюю губу и готовясь к очередным неприятным известиям, я утвердительно кивнула. Девушка снова вчиталась в мои личные данные и тут же выдала возмущенное:

– Но вы же здоровы!

Я снова кивнула. Менеджер явно пребывала в растерянности.

– Подождите минутку, я вызову начальника охраны, он объяснит вам возникшую неприятную ситуацию.

Я опять кивнула, чувствуя себя уже неваляшкой или скорее кивающим болванчиком. От окна я не отошла. Кроме меня тут все равно никого не было, и работе менеджера по обслуживанию я не мешала.

Вскоре из-за угла появился высокий стройный мужчина в темно-фиолетовой форме. Он оценивающе окинул взглядом холодных голубых глаз сначала меня, а потом уже обратился к сотруднице:

– В чем дело, Вацлава?

Девушка, тепло улыбнувшись, коротко пояснила ситуацию:

– Это, – она немного неприлично ткнула в меня пальцем – Анита Корф, согласно ее электронному паспорту, она абсолютно здорова и необходимости в бригаде скорой помощи нет.

От услышанного у меня лицо вытянулось. Я большими светло-карими глазами таращилась на них, не понимая, о чем тут речь и зачем мне медицинская помощь.

– Позвольте ваш паспорт, – вежливо обратился ко мне начальник охраны.

Я вновь кивнула и жестом попросила девушку передать мой паспорт просящему. Мужчина с минуту изучал мой документ, активировал строку состояния здоровья и убедился, что я абсолютно здорова.

– Может, объясните мне, что происходит, – наконец поинтересовалась я, устав ждать разъяснений.

– Ваш отец связался с нами с утра и сказал, что ожидается прилет его дочери Аниты Корф. По прилету попросил задержать ее и передать бригаде скорой медицинской помощи для транспортировки вас в местную психиатрическую клинику. В клинике подтвердили, что ожидают такую пациентку, – Начальник охраны, сообщая мне такие новости, как-то неловко отводил глаза в сторону. – Мы ждали вас у северного выхода у поста проверки документов.

Слов у меня не осталось вообще. Я как-то онемела от таких новостей. Хотя приличных слов не было, а вот ругательства рождались одно за другим.

– Не понимаю, простите – обратилась я к охраннику, – но с чего мой отец решил, что я больная? Как без моего согласия меня можно куда-то поместить, я же совершеннолетняя, и как вообще вы могли согласиться меня задерживать? На

каком, простите, основании? И в клинике меня ждут, простите, тоже на каком основании? Это что вообще за дикость такая?

Мои слова дошли до цели. Мужчина слегка покраснел явно не от смущения, а от злости и буквально прошипел мне в ответ:

– Я обязательно разберусь со всем этим. Вам желаю доброго прилета. К вам, госпожа Анита Корф, мы претензий не имеем и просим прощения за доставленные неудобства.

Развернувшись, начальник охраны быстрым шагом скрылся из поля нашего зрения.

– На вашем месте, – тихо шепнула девушка менеджер, – я бы посидела в здании порта пару часиков. Ну, пока во всем разберутся, а то вдруг ваш отец подсуетился и вас там за территорией порта еще кто ждет, чтобы в лечебницу сопроводить.

В ее словах присутствовал здравый смысл: такого сюрприза от папаши я не ожидала. Нормальненько он справился с ситуацией. С ним, значит, связались, сообщили о моем прилете, а он, недолго думая, связался с психиатрической больницей и определил заочно меня туда. А потом еще и охране навязал меня конвоировать куда надо. Вот козел! Права была мама, когда ему ручкой на прощание помахала.

Внезапно я ощутила весомый толчок в плечо. Меня отодвинул от окошка столь невоспитанным образом молодой мужчина. Не дожидаясь пока менеджер ему улыбнется и

произнесет дежурное приветствие он затараторил, чуть пританцовывая в нетерпении:

– Корабль на Растрой сегодня отбывает? – его глаза буквально впились в девушку.

– Да, – приветливо ответила она, – вылет через два часа.

Ничего не говоря, мужчина быстро ретировался. А я задумалась. Здесь на поясе Юпитера мне делать нечего. На Землю возвращаться глупо, там еще долго будет царить беспорядок. На Марс или Венеру тоже незачем лететь. А может это судьба и мне выпал шанс осуществить хоть одну свою мечту? Деньги-то у меня есть. Мы с мамой жили скромно и капитал скопился немалый. Так может и мне в другую систему податься?

– А Растрой – это что за планета? – поинтересовалась я у менеджера.

– О, это новая система вархов. Там целых пять пригодных для жизни планет, на двух даже атмосфера как на Земле. В общем, все кто может и хочет, летят именно туда. По кораблю раз в месяц. Сегодня очередной пассажирский крейсер отбывает. Стартует с Венеры и, собрав всех желающих, уходит в гиперпространство с нашего порта.

– А цена билета, – снова полюбопытствовала я.

– Небольшая, вархи раса малочисленная, они приветствуют пришлых с иных систем. С людьми они вполне совместимы, а генотип доминантный, так что ребенок в любом случае вархом родится. Вот и оплачивают они почти 70 % стоимо-

сти перелета, лишь бы людей к себе заманить.

– И в чем подвох? – полюбопытствовала я, ну не бывает все красиво так.

– Подвох в том, – охотно отозвалась девушка, – что гражданство Растроя можно получить только выйдя замуж или женившись на вархе, а ты их видала? – я отрицательно покачала головой.

Менеджер хмыкнула и что-то набрала на галопанели. Активировав объемное изображение, она продемонстрировала мне картинку монстра из самого страшного сна. Эдакая летучая мышь с человека ростом и покрытая густой шерстью. И это еще с человеком совместимо? Меня аж передернуло, когда я оценивающе так глянула на безгубую пасть всю в мелких морщинках. И как прикажите от этого детей заводить? Мрак.

– А еще варианты переселения есть, без такого ужаса? – поинтересовалась я.

– Да много, но везде деньги нужны. В первом терминале есть вся информация по звездным системам, в том числе и цены на билет и даты вылетов.

– Благодарю, – я вежливо кивнула менеджеру и отправилась к указанному терминалу. А почему бы и нет? Что мне мешает улететь вообще отсюда. Терять мне совсем нечего, только я сама у себя и осталась.

Глава 5

Всю информацию в терминале я изучала примерно час. Но до тех звездных систем, что мне понравились, добраться было сложно. Нужные мне корабли отбывали из порта только через неделю, две, а то и месяц. А вот ближайшие рейсы могли доставить только на перевалочные станции.

– Может посоветовать вам что-нибудь?

Обернувшись, я увидела начальника охраны, того, что совсем недавно хотел сдать меня в сумасшедший дом.

– Я пытаюсь выбрать систему так, чтобы можно было улететь в ближайшие дни. Но не могу подобрать оптимальный вариант.

Мужчина, склонив голову, осторожно отодвинул меня от терминала и принялся что-то там искать.

– Лучше всего лететь в систему Оюта. Слышали что-нибудь о ней? – поинтересовался он.

– Да, конечно, но лететь туда говорят очень дорого, – немного смутившись, ответила я.

– Да, если прямым рейсом, то дорого, но можно добраться туда и с пересадками. На каждой станции еще год назад установили небольшие терминалы для граждан Солнечной системы. Они отображают информацию на нашем всеобщем языке. Тебе нужно будет только найти их, залезть в меню и выбрать нужный рейс. В принципе, несложно, если не рас-

теряешься. На ближайшую пересадочную станцию можешь вылететь сегодня в час ночи по местному времени. Это в системе Бордэ. Корабль туда полетит надежный. Не пираты. Но условия перелета не очень, – мужчина как-то подозрительно замялся. – Но все терпят и жалоб еще не поступало. В общем, решать тебе.

Я осмысливала все им сказанное. И ситуация мне не нравилась и предложенный вариант переезда в систему Оюта тоже.

– А прямым рейсом вот прямо очень дорого лететь? – я все же решила уточнить степень этого таинственного «очень дорого». Стоимость прямого перелета в терминале я так и не нашла.

– Очень, даже для состоятельного человека. Корабли, летящие туда, к нам на дозаправку залетают. А вот пассажиров отсюда забирают очень редко.

Я была в растерянности. Признаться, совсем не знала, что делать. Все всегда решала за меня мама, теперь я даже не понимала, как себя вести.

– Ну как, покупать билет до Бордэ или вернёшься на Землю? Может тебе билет на Венеру или у нас тут на поясе Юпитера осядешь? На Европе сейчас новое поселение строят, им любые работники нужны. А через год Титан осваивать начнем. Может, повезет тебе, и не окажешься на станции для бездомных. Ну, так как? Покупаем билет? Или нет? Как альтернатива – тут неподалеку приют для бездомных есть.

Услышав последнюю фразу, я испугалась. Не хочу в приют. Да и оставаться в Солнечной системе мне не за чем. Все, что у меня было – потеряно.

«Стоит рискнуть, – шептал мне внутренний голос. – Вернуться ведь всегда можно». Если не решусь сейчас – всю жизнь жалеть буду, что не попробовала.

– А условия перелета…со мной там могут что-нибудь сделать? – этот вопрос я практически прошептала.

– Нет, охрана там хорошая, домогаться не будут, да и внимание к себе ненужное ты точно не привлечёшь. Там нет кают, общий пассажирский зал с двухъярусными койками. У каждого свое место. Правда никто не гарантирует, что сосед будет женского пола. Но, чтобы там насиловали или еще чего хуже, я никогда не слышал.

Эта информация хоть и смутила сильно, но после его слов, что физически я там не пострадаю, мне стало как-то легче.

– Закажите, пожалуйста, мне билет. Я попробую добраться до планет Оюта, а если не получится, ведь смогу вернуться?!

– Конечно, сможешь! Найдешь терминал, в меню запросишь помощь консульства Солнечной системы. Они тебя найдут и переправят домой в случае чего.

Я благодарно закивала головой и протянула мужчине свою счет-карту. Он быстро что-то нажал на сенсорной панели, затем в окошечке снизу, которое я признаться не увидела раньше, показался мой билет. Кусок пластика толщи-

ной в миллиметр. На нем были обозначены фамилия и имя, рейс и дата вылета.

Время тянулось мучительно долго. Начальник охраны, отдав мне билет, скрылся за поворотом. Я же ушла в зал ожидания решив скоротать время там. К пестрящей рекламе привыкла довольно быстро. Тут же в пищевом автомате купила себе небольшую пластиковую коробочку с готовым обедом. Нажала кнопку, особо не выбирая. Мне досталась лапша с подливой и пара кусочков хлеба из синтетической муки. Не очень вкусно, но очень сытно. Подкрепившись, я снова принялась гипнотизировать огромное табло, висящее на стене.

Волноваться я начала за час до прилета моего корабля. Все прокручивала в голове события последних суток. Слишком все резко изменилось, словно судьба мою жизнь хорошенько тряхнула и все в ней поставила с ног на голову. Я ведь даже маму не оплакала, а уже собираюсь улетать неизвестно куда. И отец! Как можно было так подло со мной поступить?

А главное: правильно ли я делаю, что улетаю на далекую систему?

Я, которая самостоятельно никогда свой материк не покидала. Меня даже на учебу частенько мама возила. Как я справлюсь со всем этим? Я не знала: ни правильно ли я поступаю, ни что делать мне дальше. Поэтому буду плыть по течению жизни и не оборачиваться на прошлое.

За десять минут до прилета я собрала всю свою волю в кулак, шикнула на робкие попытки внутреннего голоса обла-

горазумить меня и отказаться от полета, сгребла в охапку свой рюкзак и отправилась на таможенный контроль. Я оказалась одной из первых. Мой паспорт и билет проверили очень быстро. Поставив какие-то обязательные прививки, измерили температуру и буквально вытолкали на посадочную платформу.

Я впервые в жизни видела, как швартуется огромный пассажирский крейсер. Это так впечатляюще страшно: когда врата швартовочного шлюза открываются и огромнейшая сверкающая махина несется на тебя с большой скоростью. И вот, когда ты уже готов, в ужасе присев, заверещать, срабатывает система торможения.

Крейсер остановился буквально в двух метрах от меня, зависнув в воздухе.

Раздался резкий короткий гудок, с шипением разгерметизировался люк, ведущий на судно. Медленно к нему от платформы потянулся трап. Я же, испуганная и восторженная происходящим, пританцовывала на месте. По трапу спустились мужчины, явно не принадлежавшие человеческой расе.

Омхи. Запоздало догадалась я. Гуманоиды, со схожим с нами генотипом. Они жили в соседней системе и имели с людьми общих предков. Высокие, темноволосые, сильно напоминающие индейцев американского материка. Вернее, тех индейцев, что существовали еще в докосмическую эру. Сейчас же понятие «раса» на самой Земле исчезло.

Подобравшись к трапу, я стала ждать начала посадки. По-

зади меня медленно выстроилась небольшая очередь. Всего человек десять – двенадцать. Но, на первый взгляд, все как один – личности довольно сомнительного содержания. Так, вплотную ко мне, встала рыжеволосая женщина, от которой разило как от мужика. Спустя мгновение я ощутила странное прикосновение и не какое-нибудь, а грубое трение подкладки кармана комбинезона о свое бедро. Резко хлопнув по штанине рукой, я уловила момент, когда ее рука выскользнула из моего кармана. Ага, дурочку она во мне увидела. Счет-карта находилась в тайничке платформы моего ботинка, а паспорт в бюстике.

Женщина едва заметно скривилась и отошла от меня на полшага. За ней стоял обросший неопрятного вида мужчина, облаченный в куртку, настолько грязную и истертую, что невозможно было определить ее цвет. Этот бродяга маслянистыми глазками рассматривал то меня, то женщину карманницу. А потом видимо что-то про себя решив, вульгарно ущипнул рыжуху. И, вместо того, чтобы возмутиться, она лишь противно засмеялась.

Дальше стояла группа мужчин в военной форме землян. При виде их я сглотнула и схватилась за поручни трапа. Дезертиры. Твари, что грабили местных, чтобы собрать на билет в соседние обжитые системы. Конечно, это были не те солдаты, что орудовали в нашем городке, но от этого лучше в моих глазах они не стали.

Последним зашел на посадочную платформу высоченный

мужчина в странной черной куртке. На ней виднелась нашивка с белым штрих-кодом. Его лицо скрывал глубокий капюшон. Двигался он уверенными широкими шагами. Приблизившись, он обошел всю очередь и встал нагло впереди меня, затем развернулся и смерил нас презрительной жуткой улыбочкой. И в этот момент я даже обрадовалась, что большая часть его лица скрыта – страшно подумать, какие у него глаза.

– Каторжник, ты охамел? – вперед выдвинулся один из группы дезертиров.

– Есть претензии, зеленый? – оскал здоровяка стал еще шире.

– В конец очереди встал, а то…

– А то, что? – взмахом руки он скинул капюшон с головы, – а то ты обделаешься, зеленый?

Это был марионер. Его желтые глаза горели злобой и ненавистью. Он перевел взгляд на меня, и я отшатнулась. Тут же его рука дернулась и, схватив меня за шиворот, потянула на себя. В этот момент я ощутила под ногами пустоту. Вскрикнув, я сама схватила его за руку и подскочила к незнакомцу практически вплотную.

– Смотри, куда наступаешь, землянка. Или хочешь полетать? – я испугано замотала головой.

– Спасибо, – выдавила из себя.

Обернувшись, сглотнула и посмотрела туда, куда только что чуть не провалилась. Между трапом и платформой вид-

нелась огромная щель. Страшно подумать, что было бы со мной не схвати меня вовремя этот марсианин. Меня нервно передернуло, и я придвинулась к своему спасителю еще на один маленький шажок.

– Ну, так как, зеленый, возражения есть? – довольно оскалился он, глядя, как все вокруг опустили глаза и усиленно делали вид, что просто пришли тут постоять.

Да, мужчины позорно промолчали. Связываться с марионером, да еще и каторжником, никто не пожелал. Еще бы, да один его вид вселял ужас. Хотя вот лично мне рядом с ним было комфортно. Да и он видимо неприязни ко мне не испытывал. Ведь этих дезертиров он брезгливо называл «зелеными». Именно так обзывали высокомерных жителей третьей планеты, меня же назвал просто «землянка».

Погруженная в свои мысли, я и не заметила, как появились контролеры, и началась посадка. Только когда меня мягко коснулся мужчина омх и попросил билет и паспорт, я вынырнула из своих раздумий и, оглядевшись, поняла, что вообще осталась стоять на платформе одна, а все остальные уже прошли на крейсер. Подхватив рюкзак, я поспешила по трапу на космическое судно.

Внутри меня ждала еще одна проверка, на сей раз вещей. Ожидаемо, почти все уже прошли дальше, а в небольшой комнатке кроме меня осталась та самая женщина карманница и марионер. Он, с рычащими нотками в голосе, что-то доказывал охраннику. Перед ним на столе лежал его огром-

ный черный местами потертый рюкзак, несколько вещей и бластер. В руках проверяющий вертел какую-то пластиковую карту.

– Это моё оружие и у меня на него есть разрешение, вы не имеете права его конфисковывать. Я буду расценивать это как грабеж и непременно подам на вас жалобу, – хотя высоченный каторжник и говорил спокойным голосом. В его взгляде было столько неприкрытой злобы.

Омх в красной немного нелепой форме корабельной охраны помялся, покусал полную нижнюю губу и все же сдался. Марионеру была возращена карта, и досмотр его вещей продолжился. Хотя чего там было смотреть? Там всего-то двое брюк и несколько футболок да мешочек холщевый видимо с нижним бельем и носками. Но охрана тщательно рылась в его рюкзаке, проверяя каждый кармашек.

Тем временем, рыжая женщина что-то шепнула контролеру, сгребла свою небольшую сумку и скрылась за дверями.

– Что-то запрещенное есть? – этот вопрос вернул меня в мою действительность.

– Что? – переспросила я, давая себе время собраться с мыслями.

– Есть ли у вас что-нибудь запрещенное? Оружие, наркотики, незарегистрированные медикаменты? – взгляд охранника становился все более тяжелым. – Вынимайте вещи из вашей сумки.

Я повиновалась. На стол, стоящий передо мною, рядом с

вещами марсианина легла и моя одежда. Блузочки и брючки, комбинезон, шаль, мешочки с бельем, моя плющевая собачка, планшет да фотокарточки – вот и все богатство. Выхватив из моих рук рюкзак, охранник принялся его прощупывать. Делал он это настолько грубо и неаккуратно, что один из кармашков порвался прямо у меня на глазах. Но проверяющего это не остановило: закончив с моим рюкзаком, он принялся потрошить вещи. На стол полетели вытряхнутые из тряпичного мешочка трусики и бюстики. Мне стало мучительно стыдно от того, что мужики копошатся в моем белье. Пара кружевных трусиков, слетев со стола, опустились на ботинки марионеру. Я хотела наклониться и быстро убрать их, но была остановлена грубым: «Не трогать вещи при досмотре». Проглотив комок обиды и смущения, я, вздрогнув, опустила глаза в пол.

– Тебя это заводит, омх? Вид смущенной и униженной молоденькой девушки. Или тупо нравится в женском белье копаться? Ты там что ищешь? Свой стояк? – голос марсианина сочился ядом и цинизмом.

Нагнувшись, он, не реагируя на приказы, поднял мои трусики и аккуратно положил их на стол. В глубине души я была ему благодарна за это, поэтому, не удержавшись, тихо выговорила:

– Спасибо.

Он не ответил и даже вида не подал, что услышал.

– ГаЮро, заканчивай с досмотром, – второй проверяю-

щий охранник отбросил рюкзак марионера, достал из ящичка два жетона. – Вы будете заселены во второй «малый» пассажирский отсек. Ваша койка – место «46А», ваша, девушка, – «46Б».

На стол полетели электронные жетончики. Быстро подхватив один из них, мой видимо будущий сосед сгреб вещи в свою сумку и двинулся на выход, не забыв и свой бластер, который спрятал где-то под курткой. Я же чуть задержалась, пытаясь быстрее уложить всю одежду в рюкзак. В итоге просто запихала все кучей, не беспокоясь, что что-то помнется. Не до этого сейчас.

Выскочив, бросилась вдогонку за марианером. Окликать его я не решилась, но тенью мчалась за ним по узким мрачным коридорам. Освещение тут было крайне тусклым, а стены, выкрашенные в грязный коричневый цвет, вообще на тоску наводили. Лишь маячившая впереди мощная спина придавала уверенности в том, что я таки доберусь до этого непонятного «койка-место» и не заблужусь в многочисленных коридорах и переходах.

Глава 6

Мужчина впереди двигался словно ледокол, на его пути все разбегались в сторону, освобождая ему дорогу. Наверное, легко жить с такой внешностью, когда все тебя боятся. Я же зайцем следовала за ним, страшась даже глаза отвести от этого странного штрих-кода на его куртке.

– Ой, какая девочка, – чья-то рука грубо схватила меня за запястье.

Не ожидавшая такого, я дернулась. Но, вопреки ожидаемой свободе, ощутила еще одно более интимное прикосновение. Кто-то неизвестный скользнул ладонью по моему бедру. На мгновение, застыв в ступоре, я истерично завопила и принялась лупить руками гадкого незнакомца.

– Ну, тихо, птичка, – меня прижали к чьей-то груди, а сзади в поясницу ткнулось что-то мерзкое.

Я завопила еще громче, впадая в истерику.

– Какая горячая девочка, – выдохнули смрадным воздухом. Запах гнили обдал лицо. Я, уже совсем ничего не разбирая, брыкалась и лягалась. Но толку было мало: меня бессовестно лапали и издевались.

– Отпустите, – хныча, простонала я, – отпустите меня.

– Ты оглох, урод? Девочка попросила отпустить, – знакомый бас над моей головой звучал музыкой.

– Че, твоя бабенка, может, поделишься? – обладатель зло-

вонного дыхания ухватил меня за грудь, что вызвало у меня новую волну паники. Завизжав и подняв обе ноги, я буквально повисла на удерживающей меня за талию руке обидчика.

– Я спросил, ты что, оглох? – скучающие и ленивые нотки в голосе марионера проняли даже меня.

– Да ладно, что и потрогать уже нельзя? – рука, удерживающая меня, разжалась и я упала на пол.

Марсианин же, не глядя на меня, просто развернулся и двинулся вперед. Подхватив рюкзак, я трусцой помчалась за ним, боясь отстать хоть на шаг. Обернувшись, увидела страшного варха, что лапал меня минуту назад. Выглядел он еще отвратительнее, чем на голограмме, что показывала мне работница отдела справок на Ио. Эта летучая мышь ростом с гориллу еще и скалилась мне, видимо в улыбке, хотя больше походило на то, что у этой твари живот пучит. Жуть какая!

Теперь я шарахалась от любого мужика, который хоть немного преграждал мне путь. Видимо это путешествие все-таки станет для меня огромной ошибкой.

Проскочив огромный основной пассажирский отсек, я пулей залетела во второй и испытала очередной глубочайший шок. Потому как это загадочное койка-место оказалось в прямом смысле койкой. В просторном помещении с высокими потолками в ряд стояли странные двухъярусные металлические кровати: по два места снизу и два сверху. И, собственно, это вся мебель, что здесь находилась. Ни перегородок, ни примитивных занавесок: открытые кровати с высо-

кими спинками. И непонятно как тут целый месяц жить в окружении толпы мужчин: как спать, как переодеваться? А вещи, где их тут хранить?

Пока хлопала глазами и оценивала степень своего попадания в неприятности, марсианин скрылся из виду. Я не увидела, куда он пошел. А мужчин тут было так много, что различить его в этой разношерстной толпе, мне не удалось.

– Что встала, человечка, дорогу не преграждай!

Меня сильно толкнули в спину, и я буквально полетела вперед. Проскочив так две кровати, я притормозила. Оборачиваться и смотреть на того, кто так грубо со мной обошелся, даже не стала. Зачем? Себе только психику, и без того хрупкую, рушить.

Рассмотрев кровать, рядом с которой остановилась, я обнаружила номер «4А». Я всегда плохо ориентировалась в незнакомых местах, так что, чтобы наверняка не заплутать тут, на радость остальным пассажирам, я двинулась по ряду, внимательно разглядывая номерки на спинках коек.

Моё метание по рядам сопровождалось комментариями и смешками мужиков разных рас. Глядя на некоторых, так и вовсе хотелось забиться в какой-нибудь уголок и дышать там через раз. Куда же я попала? И вот за такое сомнительное путешествие, да еще и в таких условиях я заплатила кучу денег! И это еще только начало, а дальше-то что будет, ведь до системы Оюта не одна, а две пересадки. Куда же я бедовая собралась? Что же мне на поясе Юпитера не сиде-

лось, дурной голове? Решила сыскать себе приключений на мягкое место. Ну, вот получите и распишитесь, так сказать.

Моё место обнаружилось в четвертом ряду. Мой сосед уже вольготно развалился на своей койке, положив сумку под голову. И вот только сейчас я осознала, что мне месяц предстоит спать рядом с незнакомым мужчиной, который странным образом вызывал в моей душе смятение. Слишком уж красив и одновременно опасен он был. Даже вот сейчас, лежа расслаблено на койке, он казался гигантом. Глаза прикрыты, мощная грудь размеренно поднимается в такт его дыханию. И такое умиротворение выражал весь его внешний вид. Раньше мне никогда не нравились мужчины с растительностью на лице, а вот сейчас, глядя на его аккуратную эспаньолку, понимала, что ему очень идет.

Интересно, сколько он пробыл в колонии и за что? Признаться, если бы не одежда с тюремными штрих-кодами, то не догадалась бы, что передо мной бывший заключенный. Слишком высокомерен и самоуверен. И откуда он? Наверное, с Паллады, эта малая планета являлась самой крупной закрытой колонией. Конечно, были и другие, но только находились их орбиты за Нептуном и здоровыми, а главное живыми, оттуда мало кто возвращался. Слишком жестокие там условия проживания, да и работу по добыванию цветных и черных металлов из недр астероидов легкой не назовешь. Поэтому кто туда попадал, тот редко возвращался.

Осторожно сев на свою койку, я прижала к груди зеле-

ненький, уже кое-где испачкавшийся рюкзак. И как быть дальше? Вот так просто завалиться рядом с мужчиной? Это просто ужас! Моё потрясение было настолько велико, что появилась неконтролируемая дрожь в руках. Вокруг меня бродили люди и нелюди. Слышны обрывки речи, кое-что я понимала, но большинство слов и фраз были мне неизвестны. Я вообще раньше мало уделяла внимание изучению языков, а вот теперь поняла, что такие знания мне бы сейчас ой как пригодились.

Мимо скользнула женщина. Явно землянка. Она призывно виляла бедрами, привлекая к себе внимание. «Сумасшедшая» – мелькнуло в моей голове. Так вызывающе себя вести в таком окружении. Один из мужчин, странной непонятной мне расы, с силой хлопнул ее по ягодицам и заржал, обнажая огромные парные клыки. А женщина только кокетливо ухмыльнулась в его сторону и поплыла дальше.

От увиденной картины мне стало еще хуже. Если тут все женщины так себя ведут, то и со мной обращаться также станут. Кто тут будет разбираться какого я воспитания и какая у меня нежная внутренняя организация? Еще и попользуют меня где-нибудь в туалете с какой-нибудь барышней за компанию.

Все, нужно выбираться отсюда. Никуда я не лечу.

Вскочив, я метнулась на выход.

До двери, ведущей из отсека, добралась очень быстро, а дальше меня ожидала проблема: стюард, стоящий там, в про-

ходе, никуда меня не выпустил. На все мои попытки объяснить ему, что я схожу с корабля и никуда не лечу с ними, я слышала лишь равнодушное: «Покинуть судно невозможно, начался предстартовый отсчет».

Возвращалась я на свою койку, будь она трижды проклята, словно древняя старуха. В моей душе царила паника. Мозг вопил от ужаса. А внешне я словно льдом покрылась. Добравшись до места «46Б», я забралась на него с ботинками и сжалась в комочек, уперевшись спиной о металлическую спинку кровати. Справа от меня лежал довольный жизнью марсианин с блаженной улыбкой на губах. Ему хорошо, его никто тут не тронет. А вот у меня все очень-очень плохо.

Взлет я пережила с трудом. От сильной перегрузки и резкого ускорения меня отчаянно мутило. В голове словно вата. Руки и ноги отяжелели до такой степени, что и двинуть ими стало невозможно. А этот марионер спокойно лежал и грыз яблоко. Казалось, он даже не почувствовал все эти стартовые нагрузки. Да кто же он такой? Даже обидно стало. Я едва не вывернула наизнанку весь свой желудочно-кишечный тракт, а ему хоть бы что.

Слева от меня через узкий проход кто-то натужно закашлялся. Под грудой одеял пошевелился человек и снова затих. Вот только больных тут и не хватало, еще и вирус какой прихвачу для полного счастья.

Уйдя в свои переживания, я не сразу поняла, что за странные звуки раздаются над моей головой. Какие-то стоны и

методичное поскрипывание металлической сетки кровати сверху. А вот когда до меня дошло, ЧЕМ там занимаются, я на мгновение забыла, как дышать. От смущения я не знала, куда себя деть. Я тут переживала, как переодеваться буду и спать, а тут на глазах у всех, не скрываясь, разврату придаются.

Прижав рюкзак к груди, я стыдливо потянула одеяло на себя, и забралась под него, накинув край на голову. Лечь я так и не решилась. Под одеялом довольно-таки странно пахнувшим оказался голый матрац с подозрительными желтыми пятнами. При виде такой тошнотворной грязи меня замутило. И на этом спать! И вот за такой перелет я заплатила столько денег!

А кормить тут чем будут? Помоями?

Силы небесные! Я ведь, дурная голова, даже не поинтересовалась, а будут ли вообще тут кормить. И входят ли обед и ужин в стоимость перелета? А если нет, что мне тогда есть? О чем я только думала, затевая это путешествие? Да ни о чем! Я вообще головой не думала.

Покрывая себя последними ругательствами, я пыталась заглушить внутри поднимающуюся волну леденящего душу страха. Вся моя жизнь с момента смерти мамочки перевернулась с ног на голову и развалилась на части. Я потеряла свой якорь, упустила все ориентиры и сейчас я не просто плыла по течению жизни. Я сама себя топила. При этом топила быстро и с особым усердием.

Сосед напротив снова раскатисто и громко закашлялся. О том, что это был мужчина, поняла по кашлю. Интересно, почему его не изолируют в медсанчасть? Тут такое скопление народа и вдруг больной.

Сверху послышалось легкое пыхтение и спустя мгновение в проход грохнулась голая женщина средних лет с сильно обвислой грудью. Более детально рассматривать ее тело я естественно не стала по причине крайнего смущения и хорошего воспитания. Но это я была воспитанной, а она, похоже, нет. Потому как, прогнувшись облезлой кошечкой, дама легкого поведения поползла на четвереньках через моё койко-место к моему соседу. При этом ее грудь болталась тряпичными плоскими мешочками во все стороны.

– Ой, какой мужчина! – прокуренный хриплый голос неприятно резал по ушам, – а можно с вами ближе познакомиться?

В этот момент я отчетливо уловила от нее кислый запах перегара. Похоже, она была банально пьяна. Марионер же приоткрыв один глаз прошелся по этой кошке драной оценивающим взглядом и похабно ухмыльнулся:

– Ну, рискни, дорогуша, – не веря себе, услышала я его ответ и вмиг побледнела. Одно дело, когда совокупляются над твоей головой, и ты этого не видишь, а другое – когда вот так на соседней кровати. Судорожно схватив край одеяла, я натянула его полностью на себя. Закрыв уши ладонями, тихо запела песенку. Главное не слышать. Не видеть проис-

ходящего вокруг. Забыться. Потеряться в ином внутреннем мире и отключиться от реальности. Но не выходило.

– А что бы ты хотел, дорогой? – мурлыкнула эта бесстыдница, развалившись на моей койке.

Покусывая губы, я продолжала тихо напевать слова детской песенки. Главное не видеть и не слышать их.

– Я бы хотел, чтобы ты свалила с этой кровати и прикрыла зад, – сладко пропел мужчина, – ты пугаешь мою соседку.

Услышав его слова, я замерла. Словно истукан. Не дыша, я в душе молила его прогнать эту бесстыжую женщину.

– Ой, прямо пугаю? – расхохоталась эта доступная дама. – Да ладно, что она там не знает или не видела? Хочешь, втроем тут покувыркаемся, чтобы она в обиде не осталась. Ну, жеребец, обкатаешь нас двоих?

– Ммм… – протянул марсианин, – интересное, конечно, предложение и я бы возможно не отказался, но думаю, ей эта затея не понравится.

– Так давай спросим, большой мальчик. Может она мечтает поскакать на таком жеребце, – услышав такое от развратницы, я окончательно опешила.

Не думая больше, повинуясь инстинктам, сползла с кровати и забралась под нее. Все это сопровождалось жутким противным прокуренным женским хохотом. Но мне было не до веселья. В голове, будто наяву, услышала топот армейских ботинок и крик мамы. Из глаз хлынули непрошенные слезы. Зажав рот кулаком, старалась вообще замереть и не подавать

признаков жизни.

Надо мной скрипнула и сильно прогнулась койка. Я уловила странный шлепок, и снова кровать заходила ходуном. Внутренне я уже была готова к тому, что сейчас услышу тяжелое дыхание и утробные стоны. Но все пока было подозрительно спокойно.

– Проваливай, – тон марионера изменился в миг, и сейчас в нем слышалось лишь злобное раздражение.

Сверху опять послышалась какая-то возня, и женщина снова оказалась на полу. Встав, шатаясь, она как была голой, так и двинулась по проходу.

– Ну, так бы и сказал, что импотент, – огрызнулась она напоследок.

Я продолжала лежать на полу, и хоть тут была грязь, но так было лучше. Тут безопаснее и никто меня не видит.

Не знаю, сколько прошло времени. Наверное, вечность. Глаза предательски слипались, и сознание медленно погружалось в сон. Но мой покой был грубо нарушен. Кто-то схватил меня сзади за лямки комбинезона и потянул. От неожиданности я дернулась и забилась в истерике. Выдернув меня из-под кровати, кто-то уложил поверх матраса. Надо мной склонился марионер и внимательно всмотрелся в лицо. Я, надрывно дыша, сквозь пелену слез пыталась уловить ход его мыслей по выражению лица. Но он словно маску надел. Ленивое безразличие и скука – все, что смогла я прочесть.

– Ложись нормально на кровать и спи, – грубо приказал

он мне.

Я снова затихла. Сверху на меня полетело одеяло. Чуть полежав и успокоившись, я, наконец, осмотрелась. Это огромное помещение сейчас освещали всего несколько прожекторов. Вокруг царил мягкий полумрак. Наверное, был отбой, догадалась я. Да и сравнительно тихо вокруг, хотя мой слух и улавливал чье-то сопение и легкий храп, приглушённую речь и смех.

Напротив, под одеялом завозился человек и захрипел. Ему явно становилось хуже. А никто и внимания не обращал. И я встать, проверить, что с ним, побоялась.

Предательски забурчал живот, напоминая мне, что сегодня я почти ничего не ела. Чтобы унять дискомфорт я сильнее поджала ноги. Если тут не кормят, мне придется худо. Уже сейчас от голода мутило, а дальше что ждет?

Под моё одеяло просунулась огромная мужская ладонь, в которой были зажаты два яблочка. Не веря своим глазам, я не шевелилась и столь желанные фрукты не брала.

– Ешь, давай, мелкая, – раздался бас над головой.

Неуверенно протянув руку, все-таки приняла подарок.

– Спасибо, – тихо прошептала ему.

Огромная рука в ответ легонько погладила меня по голове.

Я лежала, пытаясь осмыслить итог своей собственной глупости. Мамы больше нет, а я, вместо того чтобы оплакивать ее, проследить, был ли ее прах захоронен, понеслась за-

чем-то на Ио к отцу. К человеку, которого даже не помню. С чего я вообще взяла, что я ему нужна или хоть немного важна? Почему мне вздумалось, что он двадцать лет мной не интересовался, а тут внезапно в нем родительские чувства вспыхнут? Где была вообще моя голова? Откуда взялись в ней все эти идеи? Вот куда я собралась? Куда я вообще сейчас лечу? Да я даже название этой пересадочной станции не помню.

Что я наворотила!

Ну, доберусь я до системы Оюта и что мне там делать? Хорошо, если мне хватит денег на кусок земли, а делать я с этим участком что буду? Дом своими руками городить?! Да максимум, что я смогу – это шалашик из веточек и то вряд ли. Что, огород я там разбивать начну, ферму построю?

Да самой смешно! Я несамостоятельная! Я слабая и, судя по последнему прожитому дню, еще и дура дурой.

Я тяжело вздохнула и уставилась вперед. На соседней койке опять зашелся кашлем больной, из-под одеяла на мгновение высунулась бледная рука и тут же исчезла из моего поля зрения. А мне стало как-то не по себе. Этот нелюдь был серьезно болен и ему тут явно не место. Но почему же никто не обращает на него внимание? Неужели никто не видит, что ему становится хуже. И это может быть заразно. Неужели всем все равно?

Рука вновь высунулась, и мужчина откинул край одеяла с лица, а я замерла от отвращения. Осыпанное язвочками,

лицо покрывал пот, который градом стекал со лба. Посиневшие губы и впалые глаза явно указывали на обезвоживание. Вся кожа словно воском покрыта. Да это был нелюдь, расу мне сложно было определить. Я никогда особо жителями нашей галактики не интересовалась, но скорее всего, это кто-то из дальних систем. Слишком отличалась его внешность от людей.

Заметив, что я разглядываю его, нелюдь оскалился острыми, словно иглы желтыми зубами. Вздрогнув, я стремительно повернулась на другой бок, прячась под одеяло.

Глава 7

Проснулась я от того, что кто-то в один миг выдавил из моих легких весь воздух. Этот кто-то не просто упал на меня, а еще и нанес мне обжигающе колючий удар локтем под дых. Хватая ртом воздух, я все не могла понять: где я и что вообще происходит.

– Извините, – в нос ударил сильнейший аромат стойкого перегара и немытого тела. У нас в трущобах бомжи приятнее благоухали, наверное.

После этого вежливо-вонючего извинения туша с меня слезла и, пошатываясь, двинулась дальше по проходу. Я же судорожно сообразила, что это за помещение и как я сюда попала. Воспоминания с болью врезались в реальность. Война окончена, мы проиграли: дома, мамы больше нет. А я сделала самую большую глупость, на которую только была способна. Я села на корабль, летящий на неизвестную пересадочную станцию. Вокруг меня какой-то сброд. А я одна и помочь мне некому.

И ко всем моим бедам прибавилась еще одна. Я банально хотела в туалет. Было такое чувство, что у меня в глазах скоро забулькает. И тот факт, что я не знаю, где тут санзона, может обернуться катастрофой для моей репутации. Хотя, глядя на окружающих, подумалось, что для них сходить под себя вполне может оказаться нормой. Как они вообще нашли

деньги на перелет? Откуда такие средства у столь морально деградированных личностей? Нет, конечно, здесь были и приличные нелюди, но их можно и по пальцам пересчитать.

Я ощущала все более настойчивые физиологические позывы отправиться на поиск санблока. Осмотревшись, обнаружила, что сосед мой отсутствует. Так что спросить у него, где отхожее место, возможности нет. А время поджимает: мой организм вечно терпеть тоже не сможет.

Потирая ноющую после удара грудную клетку, я, кряхтя, поднялась. Вокруг ходили, общались между собой пассажиры. Но вот никто не располагал к знакомству. Поэтому я решила, что вполне в состоянии отыскать туалет и сама.

Двинувшись по проходу, тут же была остановлена. Рослый миранец схватил меня за плечо и, осмотрев с ног до головы своими огромными немигающими кошачьими глазами, скривился в улыбке.

– Вещи, – промурлыкал он.

– Что? – непонимающе я таращилась на его звериные уши, торчащие из копны темно-рыжих волос.

– Не оставляй здесь вещи, – медленно повторил он, – носи всегда с собой. Надевай рюкзак так, чтобы висел спереди. Запомнила?

Стыдливо покраснев, поняла, что мужчина абсолютно прав. Я, рассеянная клуша, совсем забыла о своем имуществе и оставила сумку лежать на койке.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я миранца.

Вернувшись, я подхватила рюкзак. Быстро надела его на плечи так, что теперь он болтался спереди. И тут до меня дошло, что неплохо бы спросить у этого нелюдя, где тут туалет и кормят ли. Ведь он вроде как не злой и прилично выглядит. Обернувшись, я побежала по проходу, ища глазами рыжего миранца.

– Простите, – окликнув его, я, наконец, остановилась и перевела дыхание.

– Что у тебя еще случилось, красавица? – раздалось немного смешливое надо мной.

Вскинув голову, уставилась на инопланетного мужчину – кота. Он так тепло улыбался. На вид ему было около сорока лет, ну это если бы он был человеком, а так даже и определить затруднялась.

– Так и будешь молчать? – улыбка стала шире и теплее.

– А где тут… ну…комната для нужд, – выдавила я из себя.

– Каких нужд? – весело отозвался миранец.

Каких-каких, а таких! Ведь все он понял, стоит тут и забавляется за мой счет.

– Не важно, – буркнула я тихо и попыталась пройти мимо мужчины.

– Если ты про АСУ, то оно расположено перед столовой. Это по коридору направо.

Надо же, ответил. Я и забыла, что туалет на космических кораблях носит гордое название ассенизационно-санитарного устройства или попросту АСУ.

Прошмыгнув мимо мужчины, понеслась на выход. АСУ там или туалет мне все равно. Главное, чтобы было, куда отходы жизнедеятельности организма слить.

Искомая комната нашлась быстро. Привычного разделения на мужской и женский я не заметила. Хотя, если тут пассажирские отсеки общие, без разделений, что уж говорить.

Быстренько решив проблемы организма, я несмело, по стеночке, отправилась на разведку в столовую. Признаться, у меня уже кишечник к спине прилипал – так кушать хотелось. Это помещение я нашла ещё быстрее предыдущего. Тут стоял такой галдеж, что слышно было издалека. За легкими пластиковыми столиками сидели, в основном мужчины и рубились в карты. У дальней стены виднелся стандартный пищевой аппарат. Но тех, кто действительно использовал столовую по прямому назначению, было мало – основная масса пассажиров следила за игрой.

Вокруг в воздухе витал такой азарт, что я немного расслабилась. Моё появление никто не заметил. Проскользнув к аппарату, я пыталась сообразить, как извлечь из него еду. Думать долго не пришлось. Бесцеремонно и даже нагло оттолкнув меня плечом в сторону, к пищевому аппарату подошла та самая землянка, что вчера распутно виляла пятой точкой перед мужчинами. Достав из бюстика карточку с номером койки, она вставила ее в специальный проем, тут же, после коротенького жужжания, аппарат ей выдал пластиковый контейнер с едой и бутыль с водой. Как только она ото-

шла, я повторила ее действия и получила свою порцию пропитания.

Тихонечко сев у дальней стены, подальше от игроков, принялась то ли завтракать, то ли ужинать. В емкости оказался вполне обычный белково-углеводный бульон с полным комплексом витаминов и микроэлементов. Таким кормили на Земле обычно в больницах, он мог обеспечить организм калориями на весь день. Так что ужина тут явно не выдают, обеда хватает на весь день. Ела я быстро и жадно. Голод душил и подгонял быстрее махать ложкой.

Главное тут – бульон не рассматривать. Просто, мутная склизкая жижа визуально напоминала… ну, словно у повара насморк случился.

Уже убирая контейнер в блок самоочистки, заметила своего соседа. Вошедший марионер внимательно осматривал помещение и явно кого-то искал. Как только его глаза остановились в какой-то точке, он призывно нагловато улыбнулся. Моё сердце на краткий миг сбилось с ритма. Вот такой вот расслабленный он выглядел безумно красивым и мужественным. В душу пробралась холодная змейка зависти к той женщине, которой он так улыбался. Все так же виляя задом, к нему приблизилась, вдруг ставшая ненавистной мне, землянка. Столько томности было в ее взгляде и женственности.

Еще бы с такой внешностью. Медовые волосы, пышные формы – все в ней гармонировало и завлекало мужчин. Взяв за руку, марионер вывел ее из помещения. Я же готова была

разреветься на месте. Глупо. Конечно, он мне никто и мы даже незнакомы. И рассчитывать мне вообще не на что. Но это первый мужчина за всю мою сознательную жизнь, который так сильно запал мне в сердце. Я завидовала той, на которую он посмотрел и возжелал.

Мне до нее, как с Земли до Луны пешим ходом.

Да, я кипела от зависти и полнейшей неуверенности в себе. Забросив бутылку с водой в рюкзак, я двинулась на выход. Нервно и рассеянно кусая нижнюю губу, брела по коридору обратно в жилое помещение. У самого входа в первый большой пассажирский отсек заметила еще одну дверь, на которой красовался знак санитарной промывочной зоны. Робкая надежда на то, что тут все-таки есть душ и место, где предоставляется возможным хотя бы одежду сменить, ярко вспыхнула и не желала угасать. Осторожно надавив на панель сенсорного замка, отворила дверь. Несмело заглянула в помещение и тут же забыла, как дышать. Лицо вспыхнуло, и жар смущения прошелся по всему телу.

Прямо передо мною мой сосед с женщиной… Занимались этим. Нет, они еще были в одежде, вернее он был, а вот у нее все женские прелести уже на виду. От шока мысли сбивались в кучу.

Заметив меня, землянка грозно сощурилась и грубо выкрикнула:

– Пошла вон, занято.

Обернулся на ее вскрик и марионер. В его взгляде было

столько злобы и холода.

– Я не знала, что вы тут… – рвано выдохнула я, – простите.

Развернувшись, я позорно сбежала. Принимать душ и переодеваться мне в миг расхотелось. Добравшись до своего места, забралась на кровать и, сжавшись, уже привычным жестом накинула на себя одеяло. Здесь в коконе я чувствовала некоторую безопасность и главное – уединенность. Меня никто не видел. Словно и не существую я.

Время тянулось мучительно медленно. Я ждала только одного – когда погаснут лампы дневного освещения и пассажирский отсек погрузится в полумрак. Для меня это будет еще один прожитый день.

Бестолково прожитый день. Потерянный день.

В какой-то момент я отчетливо уловила, что на кровати больше не одна. Хотя наши места и были отделены друг от друга, но, по сути, они стояли вплотную, и создавалось впечатление, что это двуспальная кровать. Я чувствовала, как продавился его матрас, слышала, как скрипнули пружины, и молилась высшим богам только об одном, чтобы он не притащил эту женщину сюда и не занялся с ней любовью у меня на глазах. Уж слишком быстро он вернулся.

Так нелепо и глупо ощущать ревность. Я не понимала, откуда вообще пришло это чувство. Ревновать незнакомого мужчину к продажной женщине. Что же со мной творится?

«Стресс» – мелькнула мысль. Просто я не в себе.

Слишком много горя, слишком резко изменилась жизнь. Мне не за кого ухватиться. Я подсознательно ищу того, кто смог бы меня поддержать. А этот мужчина сильный и решительный, смелый и огромный, поэтому я и реагирую так на него. Эта мысль, пришедшая мне в голову, успокоила. Да, я просто подсознательно ищу сильного человека, чтобы спрятаться за него. Никакой влюблённости здесь нет. Я не могу влюбиться в незнакомца. Это просто стресс и желание найти поддержку и опору.

Судорожно выдохнув, я только сейчас заметила, насколько напряжена. Как сильно сжимаю в ладонях ручки рюкзака, как неприятно побаливают искусанные губы. Сглотнув застрявший ком в горле, я заставила себя немного расслабиться. Все пройдет. Как только я немного приду в себя, эта никчемная влюбленность исчезнет. Я все забуду и посчитаю это небольшое путешествие просто плохим сном и сотру его с памяти.

Крупные непрошенные капли слез скатились по моим щекам.

Как глупо все вышло. Я так долго ждала, чтобы мне хоть кто-нибудь из мужчин понравился. Все гадала, какой она будет – моя первая любовь. И такой абсурд. Всхлипнув, я попыталась ладонью вытереть слезы.

Одеяло резко слетело с моей головы, а меня в упор очень зло рассматривал марионер. Испуганно я попыталась вновь скрыться под одеялом, но его буквально вырвали из моих

рук и откинули в сторону.

– Ложись нормально на кровать и вытри эту сырость с лица, – от его голоса стало холодно. Поежившись под взглядом желтых глаз, я неуклюже проползла вперед и легла. Хоть слово сказать ему против, я не смогла. Опасалась.

– Ко мне лицом ложись, а не к этому чахоточному, – рыкнул на меня мужчина.

Я послушно перевернулась на другой бок и сильно сжала веки. Сверху на меня опустилось одеяло.

– Что ты вообще тут делаешь, малышка? – Такого вопроса я не ожидала.

Растерявшись окончательно, распахнула глаза и уставилась на него, не зная, как реагировать на его фразу.

– Земляночка, что ты потеряла на этом корабле? – повторил он вопрос.

– Не знаю, – честно ответила я, – хотела сойти, а они не пустили. Начался предстартовый отсчет, – мой ответ самой показался сумбурным и каким-то жалким.

– А, понятно, куда ты тогда так резво рванула, – процедил он сквозь зубы, – как тебя звать?

Я насторожилась, зачем ему это знать? Что он вообще ко мне с расспросами полез? Какое ему дело до глупой землянки?

– Мне каждый свой вопрос дважды повторять или ты с первого раза его понимаешь?

– Я Анита, – прошептала я, напуганная его резкостью. –

Анита Корф.

– Анита, – повторил он мое имя.

– И куда же ты летишь, маленькая Анита? – мне показалось, что на его устах появилась нежная улыбка.

– На какую-то станцию, а оттуда на Оюту, – тихо прошептала в ответ.

Я уже сама запуталась со всеми пересадками и даже забыла, в какую космическую дыру вообще билет покупала.

– И кто же тебя, солнышко, надоумил лететь на Оюту? – на его лице отразилось удивление.

– Никто, – опустив глаза, поняла, что сейчас он окончательно убедится в том, что я непроходимо тупая баба. Потому как лететь неизвестно куда одной с моим характером, в моем положении, да еще и при таких обстоятельствах, не обдумав все, не разузнав, что да как, может только недалекая особа, страдающая скудоумием.

– Никто? Что же ты проснулась утром в мягкой постельке и решила, что тебе очень надо лететь на край вселенной? – хохотнул он.

– Нет, – я подняла на него взгляд, – мне больше некуда лететь, дома больше нет. Ничего не осталось. Так какая разница куда лететь?

– Ааа, – его взгляд стал серьезней, – подлые марсиане отобрали у землянки теплый дом и обобрали до нитки.

Я не понимала, чего он хочет от меня добиться. Почему он терзает меня своими расспросами и рычит в мою сторону?

– Нет, – мой голос дрожал, – это были дезертиры. Свои пришли и уничтожили все.

Схватив одеяло, я сильно дернула его на себя. Больше разговаривать с ним или еще с кем-либо я не хотела. Я не заслужила его злость. Если он ненавидит землян – это его беда, не моя.

Но моё призрачное уединение продлилось недолго. Одеяло вновь сдернули с лица. Сжавшись, я ждала его дальнейших действий. Теперь я боялась и его.

– Где твои родители? Ты хотя бы совершеннолетняя? – спокойно задал он очередной вопрос.

– Какая вам разница, где они и сколько мне лет? Какое вам дело до меня? – пропищала я таким жалким голоском, что самой противно стало от своей беспомощности и немощности.

Я ожидала, что он разозлится еще больше или оскорбит. Но он просто смотрел на меня сверху вниз абсолютно нечитаемым взглядом.

– Я не люблю, чтобы мои вопросы оставались без ответов, – запомни это на будущее. Мне напомнить тебе вопрос?

Да что это вообще такое? Хныкнув, я прошептала:

– Просто оставьте меня в покое и забудьте, что я вообще существую.

– Не выйдет, у меня память хорошая, – ухмыльнулся он. – Где твои родители, Анита?

– Мамы больше нет, а отец на Ио.

Крепко обняв рюкзак, я ткнулась в него лицом. Мне так захотелось вынуть хоть одну фоторамку и взглянуть на мамочку.

– Почему не осталась с отцом? – мужчина мягко дернул за лямку моей сумки и, вынув ее из моих рук, убрал в сторону.

– Он не пришел встречать, вызвал бригаду медиков и договорился с охраной, чтобы они меня им сдали, – немного сбивчиво ответила я.

Бровь на лице марионера медленно поползла вверх. Холодная маска окончательно слетела с лица. Сейчас он выглядел озадаченным.

– Ты чем-то больна?

– Нет, ничем, – шепнула я, без рюкзака в руках я чувствовала себя неуютно, не за что было спрятаться.

– Зачем тогда больница? – мужчина осторожно убрал пару прядок волос, упавших мне на лицо. – Анита, расскажи все, и я постараюсь тебе помочь.

– Он меня в психушку сдать хотел, – я нервно рассмеялась. – Подумал, что я на голову больная. Хотя чего уж там, правильно решил.

Злость поднималась внутри удушающей волной. Я судорожно схватила край одеяла и сжала со всей силы. Так гадко на душе стало. Захотелось оттолкнуть от себя мужчину и обидеть его. Чтобы он больше не лез ко мне с вопросами и приказами.

– Тихо, маленькая, – мужская ладонь нежно погладила ме-

ня по волосам.

Этого оказалось достаточно, чтобы я мгновенно успокоилась и расслабилась.

– У меня в детстве были проблемы с психикой, – честно призналась я, – но меня вылечили. Я здорова. И психически, и физически. А он даже не встретил, зато успел место в психушке для меня подготовить. А мамы больше нет, я оставила ее дома, укрыв своим детским пледом. Ее нет. Ничего нет!

Я разрыдалась. Такой стыд и боль. Стыдно за то, что слабая такая, а больно оттого, что ничего не вернуть и не исправить.

– Ты есть, – ладонь теплая и неожиданно нежная скользнула по моей щеке, стирая слезы, – это главное.

– Нет, – я хмыкнула носом, пытаясь успокоиться, – меня тоже нет. Это вопрос времени. Я не смогу выжить.

Понимание этого оглушило. Я не смогу выжить одна. Просто не смогу. Все мои попытки куда-то переселиться, улететь, сбежать – это жалкие попытки уцелеть. А по факту: не изнасилуют, не убьют здесь, так свернут шею потом.

– Выживешь, – марионер странно окинул меня взглядом, – это, Анита, я тебе обещаю.

Какая-то расчетливая усмешка исказила его лицо. Не злая, а именно расчетливая.

– А вы кто? – голос звучал хрипло и жалко. – Как вас зовут?

– Ммм, – он чуть склонился ко мне. В жёлтых глазах

вспыхнуло озорство, – значит интересен. Я – Демьян Стартхов. Запомнила?

Я кивнула.

– Ну, тогда повтори.

– Демьян Стартхов.

Он улыбнулся, лицо его преобразилось: стало мягче и теплее.

– Вот и умница, а теперь спи. Больше тут заниматься нечем.

Глава 8

Утро нового дня началось, как и предыдущее: на мою кровать опять кто-то упал, но, к счастью, уже не на меня. Разбуженная возней на моем матрасе я первые секунды не могла сообразить, куда уползает мое одеяло, и кто хватает меня за ступни. Но это я не понимала, а мой сосед, резко поднявшись быстро схватил нарушителя спокойствия и границ моего личного пространства и как следует встряхнул.

Довольно рослый мужчина, явно человек, болтался в его руках как кукла тряпичная.

– Еще раз увижу – больше не встанешь, – зло рыкнул Демьян. – Ноги вырву и в зад вставлю.

Его рука разжалась, и бедолага мешком грохнулся в проход. Не поднимаясь, он уверенно пополз дальше, бросив напоследок несчастный взгляд в мою сторону. Мне даже стыдно стало – столько упрека было в его нетрезвых глазах.

– А ты пользуешься успехом у мужчин вашей расы, – сверху свесилась голова миранца, того самого, что вчера помог мне найти АСУ и столовую, – то один на тебя упадет, то второй. Бедолаги познакомиться хотят, а повод найти не могут.

Густо покраснев, я промолчала в ответ. Да и помнила я, что за стоны раздавались сверху в день отлета.

– Главное, сам не споткнись и не упади, – прорычал марионер.

– А что, могу и упасть ненароком – такие сладкие невинные девушки в самый раз для семьи, – мужчина – кот пробежался по моему телу взглядом и добавил, – особенно такие доверчивые и наивные.

– Лучше пройди мимо, миранец, – в голосе Демьяна послышались раздраженные нотки, – ловить тебе тут нечего.

– Как знать, человек, – рыжеволосый нелюдь оскалился в «улыбке», – может и мне захочется семьи и потомства?

Вот это заявление заставило меня подсобраться и уже более внимательно присмотреться к данному инопланетному индивидууму. То, что они уже давно научились «гасить» доминантные гены иных рас и способствовать рождению детей без выраженных неспецифических признаков вида – это я знала. Но, что могу попасть в поле зрения нелюдя и стать объектом его планов на будущее – вот об этом не подумала.

Нервно поджав губы, я медленно отползла назад, а видя, что такие мои передвижения забавляют миранца, я сдвинулась еще дальше. В итоге я чуть не забралась к Демьяну на колени. Тот же, обхватив меня за талию, сильно притиснул к своей груди:

– Я предупредил тебя, – зашипел он над моим ухом, – увижу твоё неуместное внимание к этой женщине – разговоры будем по иному вести.

– Хм, – кошак чуть дёрнул мохнатыми ушами, – я учту это.

Вот после этого он, взвалив на плечо легкую сумку, гра-

циозно двинулся на выход.

– Чтобы я этого ушастого рядом с тобой не видел, – зло процедил Демьян, – поняла?

От такого заявления я слегка опешила. Нет, я и сама, конечно, не желаю видеть эту наглую нечеловеческую рожу рядом с собой, но это не значит, что теперь все могут мною распоряжаться и диктовать мне, что делать и как быть. Но возмутиться я не успела. Марионер, сжав мое тельце так, что, кажется, ребра хрустнули, снова спросил:

– Ты поняла меня, Анита?

– Не приказывай мне, – только и смогла пропищать я.

– Я не приказываю, а спрашиваю. Ты хоть знаешь, кто он?

– Миранец, – выдохнула я. – Мне немного больно, Демьян. Вы слишком сильно сжали.

– Не вы, а ты, – рука мужчины чуть ослабла, и я смогла нормально вздохнуть. – Миранцы опасны, Анита. Особенно для таких девочек как ты. Ведь ты не хочешь оказаться в его гареме?

– Гареме? – удивленно переспросила я.

– Да, миранцы живут большими праидами: один мужчина и до десяти женщин. При этом они, ну очень, любят собирать самок разных рас. Держись от него подальше, и не провоцируй. Если он решит сделать тебя своей, то остановить его можно будет только физической расправой. А мне привлекать к себе лишнее внимание не хочется. Я свое отсидел, возвращаться в колонию из-за всякого несущественного от-

ребья не собираюсь.

Я в очередной раз ощутила себя несмышленым ребенком. Как многого, оказывается, я не знаю. Я вообще никогда не интересовалась иными расами. С трудом могла отличить лишь тех, чьи системы были ближайшими от нас, ну и еще может те расы, что сильно отличались от нас физиологически, например, миранцев. Все остальные жители вселенной оставались для меня тайной. И вот, сейчас я остро ощутила нехватку знаний.

Недолго думая, я полезла в свой рюкзак. После досмотра я бросила вещи кое-как, и сейчас в сумке царил бардак.

– И что ты там ищешь? – поинтересовался Демьян, рассматривая одну из фоторамок.

– Свой планшет, – буркнула я, вытряхивая все свое имущество на кровать перед собой, – он должен быть где-то здесь.

Заметив, наконец, пропажу я радостно воскликнула:

– Вот он, у меня там много книг. Должны быть и энциклопедии. Я ничего вообще не знаю об иных расах. Буду, пока летим, восполнять пробелы в знаниях.

Взглянув на Демьяна, я невольно дернулась вперед и попыталась отобрать у него свою вещь. В руках он держал не просто фоторамку, а именно ту, на которую мама размещала мои фото из больниц и реабилитационных центров. На них вся история моей болезни и выздоровления. Там я такая, какой не хочу себя помнить, и тем более, вообще показывать

эти фото посторонним.

– Верните, пожалуйста, – я несильно дернула пластиковый корпус фоторамки на себя. Мои руки тут же перехватили, а меня прижали к огромной мускулистой груди.

– Ты была премилой девочкой.

– Верни ее, – там не на что смотреть, – закусив нижнюю губу, попыталась освободить руки из захвата.

– Не дергайся, маленькая земляночка. Я посмотрю и отдам.

Я затихла, внимательно наблюдая за его реакцией на эти снимки. Я-то ведь знаю, как выгляжу там. Маленькая тощая девочка с потерянным взглядом в никуда. Часто с опухшими глазами, потому как фотографироваться я не любила никогда. Рядом неизменные врачи, куча развивающих игрушек и пазлов. Мама делала фото и в те моменты, когда я проходила курсы медикаментозного лечения и иглоукалывания, когда собирала пазлы и просто играла в присутствии психиатров. В общем, не фотоальбом, а медкарта с подробным отчетом.

– Демьян, не нужно это смотреть, пожалуйста, – взмолилась я, когда он особенно долго вглядывался в один из снимков. Но он не послушал. Методично перелистывая, он все мрачнел. Понять причины такой реакции я не смогла.

Единственное, что пришло в голову – он понял, что его разместили рядом с психически больной. И вот сейчас эта мысль приводит его в бешенство.

– Я могу поменять койка-место, – промямлила я тихо, –

если вы предъявите претензии стюардам, они меня отселят.

– Что за чушь ты несешь, Анита? – в недоумении одна его смоляная бровь поползла вверх.

– Я же вижу вашу реакцию на фотографии. Поэтому и не хотела, чтобы вы видели, – дернувшись, я попыталась еще раз высвободиться из его объятий, – никто не хочет находиться рядом с такой, как я.

– С такой, как ты?! – Демьян отпустил мои руки и, обхватив подбородок, заставил поднять голову и взглянуть в его лицо, – расскажи мне – какая ты?

– Я…я… вы же сами видели, – я несмело указала на фоторамку.

– Видел, – усмехнулся он. Его взгляд странно менялся. Глаза словно пеленой заволакивало. Большим пальцем он очертил контур моих губ. – Я все успел тщательно рассмотреть, – хрипло выдохнул он. Его лицо приблизилось вплотную, а я забыла, как дышать. Кожу опалило таким жаром смущения. И в то же время я хотела, чтобы он поцеловал меня.

На соседней койке из-под одеяла послышался тяжелый хриплый кашель.

Демьян моргнул, словно прогоняя наваждение, и выпустил меня из объятий. Пребывая в диком смущении, и что скрывать – разочаровании, я не рискнула поднять голову и глупо рассматривала свой планшет.

– В чем-то этот кошак драный прав, – в голосе Демьяна

слышалась усмешка, – и доверчивая, и наивная, и невинная, и красивая. А главное – свободная.

Мои уши запылали с такой силой, что казалось, вот сейчас они вспыхнут и осыплются пеплом.

Подхватив свою огромную черную сумку, он двинулся на выход.

– Пойду, пройдусь, – бросил он мне напоследок.

Просидев с планшетом и почитав «Энциклопедию великих рас Млечного пути» сделала неутешительный вывод. Я полный необразованный неуч. Да я и четверти рас не знала, а те, что все же были мне очень хорошо знакомы, закончились еще на двенадцатой странице книги. Порывшись в своем планшете, я нашла еще несколько серьезных энциклопедий: об устройстве нашей галактике, о развитых и заселенных системах. Особый интерес вызвали книжки о первых переселенцах и о возникновениях условно искусственных рас, к которым можно было бы смело отнести и марионеров.

Все это время Демьян не появлялся. Устав читать, я заметила, что большинство пассажиров двинулись на выход. У некоторых в руках я увидела контейнеры для еды из пищевого автомата. Вспомнив об обеде, я печально вздохнула. Мама всегда безумно вкусно готовила, и меня научила. На Земле никогда не было дефицита в продуктах. Огромные тепличные комплексы и животноводческие заводы по производству натурального и синтетического мяса обеспечивали нас полностью. Так что белковые бульоны – это удел мар-

сиан и венериан, а уж никак не землян.

Так было раньше.

Сейчас же ничего другого, увы, съесть мне не удастся. Даже яблочек, которыми меня угощал Демьян. Знала бы я тогда, что будет впереди, приберегла одно из них. С такими печальными мыслями и бурчанием в животе я встала с кровати, убрала сложенный комбинезон в рюкзак. За неимением подушки спала я на собственных вещах. Ботинки и одежду с себя, естественно, не снимала. И вообще, признаться, боялась подцепить какую-нибудь кожную болезнь за время путешествия. При такой стоимости перелета такие не просто отвратительные, а просто жуткие условия проживания. Тут за месяц на этих матрасах, да при таких неоднозначных соседях, можно даже вшей завести инопланетных да экзотических.

Выйдя из жилого отсека в коридор, обратила внимание на стоящих у входа в санблок двух женщин непонятной мне расы. Вроде и человечки, а ушки заостренные и кожа с голубоватым оттенком. Да и волосы приятного, но чуждого землянам, сиреневого оттенка. В руках они держали скрученную валиком одежду, и вроде как даже полотенца.

«Стоят в очереди в душ» – эта мысль меня, измученную грязью, приятно обогрела, значит, и я могу помыться. Надо только разведать, что тут да как: где очередь занимать и кто вообще всеми помывками заведует.

Пробравшись в столовую, я застала все ту же картину: за

многочисленными легкими белыми пластиковыми столиками сидели на хлипких стульчиках мужчины всевозможных рас и рубились в карты. Кто-то просто разговаривал, ну а единицы еще и обедали при этом. Тут же виляя задами дефилировали женщины, в основном человеческой расы. Как-то, даже обидно за собственную звездную систему стало, со стороны глядя на этих дам, можно было подумать, что все мы «легчайших» нравов.

Возле пищевого автомата никого не обнаружилось. Я, быстро вставив жетон, извлекла контейнер с бульоном, одноразовую ложку, бутылку с водой и, найдя укромное местечко подальше от основной массы мужчин, принялась есть. Не скажу, что это было совсем уж мерзко на вкус, но при иных обстоятельствах я бы это в рот не взяла.

Громкий хохот за спиной раздался так неожиданно, что я выронила ложку, испачкав при этом бульоном собственный комбинезон. На голубой ткани мгновенно обозначилось мокрое пятно. В сердцах ругнувшись, вынула из нагрудного кармашка платочек и принялась оттирать капельки супа. Поднимать ложку смысла я вообще не видела. Пол казался настолько грязным, что по нему ходить-то страшно было. Убрав платочек на место, я, оглядевшись, убедилась, что на меня никто внимания не обращает. Ну а потом просто выпила остатки бульона из контейнера.

Ну не выливать же теперь еду, пусть некультурно, зато сытая.

Отставив контейнер в сторону, решила посидеть тут еще немного – все веселее, чем на койке валяться. Увлеченно наблюдая за игрой мужчин за соседним столом, постепенно стала понимать какие-то правила. Какая карта старшая, а какая младшая, запомнила и названия мастей. Оказалось – это действительно увлекательно.

Знакомый хохот отвлек меня от очередной партии, глянув туда, откуда доносился смех, замерла. За столом сбоку сидел Демьян и играл в карты с каким-то чернокожим нелюдем, но не это было главным, на подлокотнике его крепкого на вид кресла сидела полногрудая девица и любовно приглаживала ему локоны. Нагибалась над ним она, так что его лицо непроизвольно на мгновения исчезало в ее до неприличия открытом декольте. Казалось, один глубокий вдох или чих – и грудь банально вывалится наружу.

Настроение резко рухнуло вниз. Бабник. Озабоченный дурак.

Сглотнув, я поднялась и, схватив пустой контейнер, все-таки подняла эту ложку, так как воспитание не позволило оставить после себя мусор, двинулась на вдруг ставшими ватными ногах к очистительному аппарату.

– Эй, малышка, а может, посидишь еще с нами? Не обидим! – мгновенно оторвались от игры мужчины, – в женской компании-то приятнее играть будет.

Что-то вмиг встрепенулось в душе, и я внимательнее глянула на этих мужчин. Люди, один явно венерианин, а у них

неподобающее отношение к женщинам вообще под строжайшим запретом. За изнасилование и сексуальное домогательство дают тюремного сроку как за преднамеренное убийство. Да и второй мужчина как-то опасений не вызывал. Не станет венерианин общение разводить с кем попало.

– Посижу, – скромно потупившись, пробормотала я, – только контейнер отнесу.

Быстренько сбегав к очистительному аппарату, я бодрым шагом двинулась обратно. Незаметно исподлобья бросила взгляд в сторону. Демьян меня заметил и теперь прямо пялился, не сводя глаз. Ну и хорошо, пусть видит, что я могу и без него обойтись. Не нужно мне внимание бабника и гуляки, который тут уже всех девок в санблок перетаскал.

– Ну, садись рядом, мы заметили, что тебе игра интересна, – венерианин с прозрачными голубыми глазами ловко придвинул для меня стул, – умеешь играть?

– Нет, не умею, – я страшно смущалась, но убегать не собиралась, – я наблюдала, потому что хотела понять правила игры.

– А, так это же замечательно, – тут же откликнулся второй мужчина, – вот мы тебя игре и обучим. Ну, смотри сюда внимательно.

Следующие два часа, и не меньше, я училась играть. Мне объясняли значение карт и мастей, вариации их раскладок. Особенно мне понравилось тасовать карты, первые пару раз правда, все рассыпалось в моих руках, но немного усилий и

пару подсказок и через минут десять я почувствовала себя заправским картежником.

Все это время Демьян не сводил с меня глаз. Я постоянно ощущала его взгляд. Исчезла полногрудая девица с его колен и карты он отложил в сторону. Но мне было уже не до его негодования. Этого волокиту и бабника я постараюсь забыть как неприятный сон. Сейчас же мне было по-настоящему весело. Мужчины оказались прекрасными учителями. Конечно, я так ни разу и не выиграла, но уже вполне ориентировалась в игре и пыталась собрать нужную комбинацию карт.

Время после обеда пролетело незаметно и очень увлекательно.

– А вы завтра играть будете? – неуверенно поинтересовалась я.

– Конечно, – хмыкнул венерианин, почесывая на шее странную татуировку в виде буквы «П» с семью точками сверху, – мы же на интерес играем, не за деньги. А таких тут мало. Так что смело приходи. Может еще какой игре обучим. К концу полета будешь у нас настоящим картежником.

Распрощавшись с новыми знакомыми, я пошла в приподнятом настроении в жилую зону.

У входа в отсек обратила внимание на двух женщин, которых явно охранял мужчина огромных габаритов. Гурсаны. Эту расу я знала. Женщины что-то вписывали на листочек, висящий на стене. Ну, раз уж у меня сегодня такой день богатый на общение то, я решила, что повезет мне и сейчас:

– Скажите, – я тихо заговорила с женщинами, – а как попасть в санблок в душ: там очередь или запись?

– Запись, – отозвалась женщина постарше с розовой короткой шевелюрой, – вписывайте свое имя, лая, и будете за нами.

Радостно, мысленно потирая ручки, я быстренько черкнула свою фамилию на пустую строчку и подсчитала, что буду одиннадцатой.

Глава 9

Очередное утро началось не с падения нетрезвого тела на такую мелкую меня, а с банальной ругани. Соседи сверху явно что-то не поделили и рычали на родном «кошачьем» друг на друга так, что даже у меня поджилки затряслись. Столько злобы и ярости было в их голосах.

Рычание рыжеухого миранца я узнала сразу, но кто второй? Я как-то не приметила больше ни одного представителя этой расы в нашем «малом» отсеке. Хотя смутно вспомнила, что ночью у наших коек была какая-то возня, вроде как из «большого» пассажирского отделения кого-то переселили. Неужто, это новенький так обживается. Ничего себе у него манера знакомства с соседями.

Ссора набирала обороты, рычание становилось громче и агрессивнее.

А потом кровать затряслась от их возни, и вниз, по очереди упало два хвостатых тела. Вблизи моего лица взлетел сначала абсолютно рыжий хвост, потом вздыбился черный с белым кончиком, а вот вслед за этими занятными частями миранских тел мелькнула рука, украшенная длиннющими когтями. Мужчины дрались в проходе совсем рядом со мной. И возня их забавлять совсем перестала, как только мое без того грязное одеяло окрасили мелкие капельки чужой крови.

Проследив, как пятна расходятся по ткани, я затаила ды-

хание. Нет, я не боялась крови, напротив, у меня были отличные отметки по «сестринскому делу в хирургии», но видеть, как два нелюдя раздирают друг друга непонятно из-за чего, я оказалась не готова.

Совсем не готова. Абсолютно.

Рыки и кровь, мелькающие клыки и когти. От страха я сжалась и попыталась укрыться под одеялом. Но кто-то из дерущихся зацепился за него, утаскивая на пол за собой и отбирая у меня, пусть и ненадежную, но все же защиту.

Замерев, я спрятала лицо в ладонях и мелко затряслась.

Передо мной снова мелькнул рыжий хвост, совсем рядом с лицом. Взмах руки и новые пятнышки крови. Да что же это.

Сквозь панику я ощутила, как чья-то сильная рука сжала мою талию и потащила назад. В следующую секунду я оказалась вплотную прижата к мощному телу марионера. Вот только сейчас брыкаться и выказывать свое гордое и независимое «я» совсем не хотелось. Все же попасть под руку нелюдям, в ярости раздирающим друг друга, было страшно.

– Беспокойные соседи нам достались, солнышко, – шепнули мне на ушко, обжигая кожу горячим дыханием.

От страха я кивнула. Демьян шумно выдохнул мне на затылок, и я ощутила прикосновение его губ на своей коже. Легкий почти воздушный поцелуй ошеломил. Движение повторилось. Демьян покрывал мелкими поцелуями мой затылок и шею.

Смущенно я чуть склонила голову вниз, чтобы он не за-

метил, как расползается румянец на моих щеках. Его губы скользнули к моему ушу, вызывая толпу безумных мурашек, которые дружно устремились вниз живота, скручиваясь там тугим комочком.

– Не надо, – шепнула я не своим голосом. – Не надо так делать.

– Как? – мужчина, прижав меня еще ближе, сделал странное движение, словно потеревшись об меня.

Моё лицо запылало еще сильнее.

– И так тоже, пожалуйста, не надо, – я принялась вырываться. Близость взбешенных котов теперь казалась безопаснее.

– Тише, земляночка, тише, – меня ожидаемо не выпустили из объятий.

– Отпустите, – простонала я, – не трогайте меня.

– А почему? – его дыхание отчетливо ощущалось на моей коже. – Не нравлюсь?

В его голосе проскальзывала усмешка, если не издевка. В моей душе забилась тревога. С чего я решила, что этот марионер сама доброта и для меня не опасен. Глаза застелили слезы.

– Пожалуйста, – взмолилась я, – не трогайте меня.

– Я тебе не нравлюсь, девочка? Отчего же, чем же я не вышел? Лицом или, может быть, тюремная одежка не по нраву пришлась?

– Нет, – хлюпнула я носом, по щекам сбегали крупные

слезинки, – нравитесь, но я не… Я не…

Комок застрял в моем горле и мешал нормально говорить, меня трясло от ужаса. Кто помешает ему надругаться надо мной, если приспичит? Кто защитит, если он вдруг решит, что я могу скрашивать своим телом все ночи подряд во время перелета? Да никто, я полностью в его власти. Осознание этого факта причинило боль. Стюарды и остальные члены команды корабля плевать хотели на своих пассажиров. Деньги они уже получили, и никто не будет считать, сколько из нас долетят до места назначения, а сколько просто сгинут.

Меня резко повернули на спину и надо мной грозно навис марионер, подавляя своей аурой.

Представив на мгновение, что этот мужчина решит надо мной надругаться тут при всех, я громко всхлипнула. Все будут только смотреть с нездоровым любопытством, и никто не придет на помощь. Да лучше самой на себя руки наложить. Наверное, мои мысли отразились на лице, потому как взгляд мужчины смягчился.

– Раз нравлюсь, чего же тогда «нет»? – его необычные желтые глаза, словно в душу заглядывали, заставляя чувствовать себя никчемной и слабой.

– Я не гулящая девка, – тихо выдохнула я и закрыла глаза, чтобы не видеть его больше.

– А разве я хоть раз отнесся к тебе, как к гулящей или продажной женщине? – его большие пальцы мягко, даже нежно, стерли дорожки слез с моего лица. – Или я назвал тебя «дев-

кой»? Что заставило тебя подумать так?

Я не ответила. Крепко сжимая веки, представила, что я дома, в своей постели, а все это – просто гадкий сон, который развеется, стоит только зазвучать будильнику. С кухни приятно запахнет блинчиками, и я снова услышу звонкий голос мамы, напевающей песенки из рекламы. Просто нужно сильнее сжать веки и убедить себя, что все нереально, что это глупый, но страшный сон.

И пусть этот сон длиною в жизнь, но я все равно буду верить, что проснусь.

– Прости, – прошептал мужчина. – Я был неправ и сейчас я неправ, – меня снова обняли и прижали к большой и горячей груди.

Я не хотела слушать его. Ничего не хотела, только бы проснуться дома в своей кровати. Но чем больше я пыталась себя в этом убедить, тем отчетливее понимала, что этот самообман ни к чему не приведет. Что нужно мириться с тем, что жизнь изменилась и как раньше не будет уже никогда. Не удержав эмоции, я позорно разрыдалась в голос.

Где-то там, на заднем плане, прекратилось рычание, более не раздавались звуки драки. Теперь я могла различить только размеренное биение сердца Демьяна и его шёпот: «Прости». Прижавшись к сильному телу, я выплескивала свой страх и боль. Свое разочарование в жизни и ужас от того, что мир рухнул, а я все никак не могу собрать хоть какие-то его обломки.

Ухватив обеими руками полы его расстегнутой рубашки, я уткнулась в обнаженную мужскую грудь. Рыдания переросли в тихие всхлипывания, меня било крупной дрожью. Неспособная успокоиться, я все теснее прижималась к теплому мужскому телу.

– Все, девочка, успокойся, я не обижу тебя, – легкий поцелуй обжёг мой висок, – слышишь, я не обижу.

Шмыгнув носом, я немного расслабилась и обхватила его руками за талию.

– Я не девка, – сиплым шёпотом зачем-то повторила я.

– Я знаю это, Анита, – он чуть приподнялся, нависая надо мной, – я не хотел тебя обидеть. Просто я совсем забыл, как себя следует вести с хорошими девочками. Ты простишь меня?

Я не могла заставить себя поднять на него взгляд. Просто не могла. Внутри все словно заледенело. Сжавшись, я просто повернула голову в сторону.

– Конечно, – шепнула, словно чужим голосом. Нужные слова никак не приходили на ум.

Демьян, обхватив меня за талию, повернулся на бок, увлекая за собой, а потом подтянул наверх и окончательно уложил меня так, что наши лица оказались на одном уровне.

– Может, поговорим, земляночка? – взгляд его странных лимонно-желтых очей сосредоточился на моих глазах. Он буквально заставлял меня смотреть на него. – Кое-что из нашего прошлого разговора я уяснил. Ты летела к отцу на по-

яс Юпитера, но тот по каким-то причинам решил, что тебя лучше упечь в лечебницу. И, вместо того чтобы перебраться на какой-нибудь спутник и устроиться там, ты вздумала совершить путешествие и стать пионером-первопроходцем. Я пока все правильно говорю?

Признаться, из его уст все это звучало как-то глупо. Но я уверенно кивнула.

– Да, я всегда мечтала о путешествии. Мы откладывали с мамой деньги на круиз, но все никак не получалось. А после того, как мама… – я запнулась – слова о том, что мама умерла буквально в горле застряли. – Я осталась одна, отца я видела только в детстве. Мною он никогда не интересовался. Я вообще не знаю, зачем с Земли улетела. Не соображала ничего. И зачем сюда билет купила – тоже не понимаю. Я адекватно не представляла куда лечу и зачем вообще лечу. На что жить буду и где жить буду? Охранник, он так обо всем подробно рассказал, с его слов все это выглядело так легко. Я просто отдала ему карту, и он оплатил перелет. А дальше я оказалась здесь с вами.

Демьян криво усмехнулся, все также, не сводя с меня глаз. Затем задумчиво потер коротенькую аккуратную бородку. Я отчетливо видела, как разгорается в его глазах злость.

– Дай мне свою карту, с которой он оплачивал билет, – требовательно попросил он.

Неуверенно поджав губы, я решила рассказать ему о моем тайничке:

– Она в подошве ботинка.

Демьян удивленно вскинул брови:

– Ну, значит, ты не совсем пропащая душа. Ну-ка, попробую найти твой схрон, – усмехнулся марионер.

Сев, он схватил мою ногу в ботинке и принялся разглядывать ее. Покачав головой, аккуратно положил ее обратно и взялся за второй ботинок. Я наивно полагала, что он не отыщет тайник, или хотя бы немного провозится. Но не тут-то было, он обнаружил его спустя пару секунд. Еще немного времени ушло на то, чтобы его вскрыть. С паспортами, которые я переложила в тайник после того, как мои карманы пытались обшарить, и картой со всеми сбережениями на ней Демьян снова улегся рядом и притянул меня за талию к себе.

– Это твоя мама? – вопрос не требовал ответа, и так было понятно, что он держит в руках ее паспорт. – Красивая. Ты на нее очень похожа.

Я смущенно улыбнулась. Да, мама была красавицей. Мало кто мне говорил, что мы с ней хоть чем-то похожи. Приятное тепло растеклось в душе. И пусть это было не совсем правдой, но приятно же.

– Анита Корф, – считал Демьян уже с моего документа, – какая ты тут милая девочка.

Я усмехнулась, я там и правда похожа на девочку, хотя и фотографировалась в день совершеннолетия. Ну, кто же виноват, что в свой двадцать один год я была похожа на пятнадцатилетнего подростка.

– Аниточка, а может у тебя жених есть? – Демьян прищурил глаза и зорко поглядывал на меня. Такого вопроса я не ожидала. И как-то растерялась.

– Нет, – пробормотала я.

– Это хорошо, что «нет», – большим пальцем мужчина осторожно очертил мою бровь. – А почему нет?

Снова смутившись, я просто пожала плечами:

– Не знаю почему – просто нет и все.

Откуда бы ему взяться? Я всю жизнь под маминым крылом просидела: дома да в салоне, где клиентки в основном женщины. На медицинских курсах тоже одни девчонки в группе были. Ну, а в своем районе меня с детства за дурочку держали. Какие там женихи, подруг-то не нашлось.

– А был? – палец Демьяна спустился по скуле и, нежно погладив щеку, обхватил мой подбородок, заставив вскинуть голову вверх.

– Не было, – выдохнула я.

– А мужчина вообще был?

Меня прожигал его внимательный тяжелый взгляд; я хотела возмутиться таким вопросом, но вместо этого выдохнула тихое:

– Нет.

Лицо марионера исказил хищный оскал. Он словно радовался нечаянно подвернувшейся добыче. Обхватив мой затылок, он чуть сжал волосы, запрокидывая голову назад. Придвинувшись, медленно склонился к моим губам, не сво-

дя с меня острого голодного взгляда. Первое прикосновение его губ я ощутила остро. Словно молния тело пронзила. Нежное легкое касание очень быстро переросло во властный, немного грубый, поцелуй. Он словно зверь поглощал каждый мой выдох, перекрывая воздух. Я задыхалась в сладкой истоме. Его дыхание, горячее и шумное, обжигало кожу. Чуть прикусив нижнюю губу с тихим рыком, он углубил поцелуй. В мой рот, скользя, вторгся его язык.

Словно обживаясь, он прошелся по моим зубам, приласкал нёбо и пустился в дикий пляс, оплетая мой язык. Поцелуй окончательно потерял все оттенки нежности, став грубым и властным.

Руки мужчины, сильно сжав талию, притиснули меня вплотную к огромному телу. Перекинув ногу через моё бедро, Демьян опрокинул меня на спину и навалился сверху. Тяжесть его мощного тела совсем не давила, напротив, я чувствовала себя в этот момент свободно и легко. Вскинув руки, обхватила его затылок и зарылась пальцами в густые смоляные волосы. Такие мягкие на ощупь.

Рука Демьяна скользнула по моему бедру.

– Что, прямо здесь, при свидетелях ее женщиной сделаешь? – раздался ехидный голосок над нашими головами.

Я ничего понять не успела. Взревев, Демьян подскочил одним плавным, каким-то тягучим движением и обхватил наглого рыжего миранца за шею. Мужчина-кот совершил повторный полет вниз. Прижав его к полу, Демьян бешено про-

жигал в нем дыры, видимо решая убить его сразу или немного помучить.

– Остынь, человек, – ничуть не испугавшись, прорычал обладатель шикарного рыжего хвоста, который сейчас хлестал неистово по ногам нелюдя, – или все же хотел ее прямо здесь всем на радость разложить?

Рыкнув, Демьян выпустил миранца и уже осознанным взглядом осмотрелся вокруг. Так и есть – на нас пялились все. Судорожно выдохнув и осознав, какой мы тут спектакль устроили, я с тихим стоном закрыла лицо ладонями. Какой позор! Где моё воспитание? Веду себя как кошка гулящая.

– За мной должок, миранец, – шикнул Демьян.

Матрас рядом со мной снова прогнулся, и я ощутила близость мужского тела. Костяшками пальцев марионер нежно погладил мой подбородок, а потом решительно убрал мои руки от лица.

– Мы не сделали ничего такого, чтобы ты так смущалась, – весело пожурил он меня. – Но признаюсь, я слегка увлекся и забылся.

Склонившись, он легко коснулся губами кончика моего носа.

– Скромница, – поддел меня Демьян, – а щечки как пылают. Ты случайно не в церковной школе училась?

После этих его слов запылали у меня не только щечки, но и ушки, и носик, и вообще – я вся вспыхнула, как маков цвет.

– Да быть того не может! – в голосе Демьяна скользило

явное удивление, – что правда?

– Угу, мама решила, что мне там лучше будет, – прошептала я.

Не в силах скрыть то ли стыд, то ли смущение, я снова прикрыла лицо ладонями.

– Ой, какой я везучий, – протянул марионер, – из колонии живым вышел, все заработанное отдали, девочку, красавицу да девственницу, встретил. Кому же я так хорошо сделал, что мне теперь так патологически везет? Как прилетим на пересадочную станцию, лотерейный билет куплю, а вдруг…

Мои руки снова отвели от лица.

– А что там с моей счет-картой? – напомнила я ему, переводя разговор в безопасное для меня русло.

– А, да! – Демьян нахмурился.

В его руке вспыхнула моя карта. Что-то там нажав, он активизировал объемное голографическое окошко. Говорить ему ничего не пришлось. Я и сама увидела, что с моей карты были оплачены два билета. Один – на это судно, а другой – на пассажирский крейсер «Орух». Билет был оплачен в один конец до системы Оюта и обошёлся он мне в половину всех денег, что у меня были. Не так уж и дорого, как рассказывал охранник, он просто обвел меня вокруг пальца.

– Не переживай, земляночка, – меня нежно поцеловали в лобик, – зато у нас теперь есть должник. Стрясем с него по полной. Ты ведь помнишь, как выглядел этот добрый дядя?

Я судорожно, еще не веря до конца в то, что меня обобра-

ли, качнула головой.

– Вот и замечательно, но впредь, Аниточка, никому никогда не позволяй расплачиваться твоей картой. Это ты у меня добрая и наивная, а другие – твари продуманные.

Мысленно я с ним была согласна. Теперь понятно, почему тот охранник так вдохновенно рассказывал мне о возможности переселения. Наверняка думал, что я в таких условиях никуда не долечу. Действительно, тварь продуманная, а я дурочка доверчивая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.